

Стефан Цвейг. Жгучая тайна

Электронная библиотека «Оригинал» <http://originalbook.ru>

Жгучая тайна. Стефан Цвейг

Партнер

Паровоз хрипло засвистел: поезд достиг Земмеринга. Черные вагоны на минуту останавливаются в серебристом высокогорном свете, несколько пассажиров входят, другие выходят, перекликаются сердитые голоса, и уже снова свистит впереди осипшая машина, увлекая за собой в пещеру туннеля черную громающую цепь. Опять вокруг расстилается чисто выметенный влажным ветром ясный, мирный ландшафт.

Один из прибывших – молодой человек, выгодно отличавшийся от других изяществом одежды и легкой, непринужденной походкой, обогнав всех остальных, первым нанял фиакр и поехал в гостиницу. Лошади не спеша затрусили по крутой горной дороге. В воздухе чувствовалась весна. В небе порхали облака, белые, резвые, какими они бывают только в мае и июне, когда, беспечные, юные, они мчатся, играя, по синей дороге, то прячутся за высокие горы, то обнимаются и убегают, то сжимаются в платочек, то разрываются на полоски и, наконец, дурачась, нахлобучивают белые шапки на вершины

гор. Не отставал от них и ветер: он так буйно раскачивал тощие, еще влажные после дождя деревья, что они похрустывали суставами и, словно искры, рассыпали тысячи капель. Порою с вершин доносился свежий запах снега, и тогда воздух становился одновременно и сладким и терпким. Все на небе и на земле было полно движения и нетерпеливо бродивших сил. Лошади, пофыркивая, весело бежали теперь под гору, далеко разносился звон их бубенцов.

В гостинице молодой человек первым делом просмотрел список приезжих, но тут же отложил его. «Зачем собственно я приехал сюда? – с досадой спросил он себя. – Сидеть тут на горе, без общества – это, право, хуже, чем в канцелярии. Очевидно, я приехал не то слишком рано, не то слишком поздно. Вот всегда так – не везет с отпуском. Ни одной знакомой фамилии не нашел. Хоть бы какие-нибудь женщины, на худой конец – маленький, невинный флирт, чтобы не проскучать всю неделю».

Молодой человек – барон, принадлежавший к не слишком родовитой семье австрийской чиновной знати, – служил в правительственном учреждении; в отдыхе он не нуждался, но взял недельный отпуск потому, что все коллеги выхлопотали себе весенние каникулы, и он тоже пожелал воспользоваться этим правом.

Его нельзя было назвать пустым малым, но без общества он жить не мог; всеобщий любимец, повсюду принимаемый с распростертыми объятиями, он не переносил одиночества и отлично знал это. Не имея ни малейшей склонности оставаться наедине с самим собою, он по возможности избегал этих встреч, ибо отнюдь не стремился к более близкому знакомству со своей особой. Он знал, что ему нужно соприкосновение с людьми, чтобы могли развернуться все его таланты – его любезность, его темперамент; в одиночестве он был холоден и бесполезен, как спичка в коробке.

Он слонялся по пустому вестибюлю, то рассеянно перелистывал журналы, то заходил в гостиную, садился за рояль и наигрывал вальс, – но ритм ему не давался. Наконец, раздосадованный, он уселся у окна и стал смотреть, как медленно спускались сумерки и из-за сосен, клубясь, подымался седой туман. Так убил он, злясь и нервничая, целый час, потом отправила в столовую.

Там было занято всего несколько столиков; он быстро окинул их взором. Тщетно! Ни одного знакомого. Вон там – он небрежно ответил на поклон – берейтор с ипподрома да еще одно знакомое лицо с Рингштрассе – и больше никого. Ни одной женщины, никакой надежды хотя бы на мимолетное приключение. Это еще больше обозлило его. Он принадлежал к числу тех молодых людей, которые благодаря своей красивой наружности пользуются успехом и всегда готовы к новым победам, всегда ищут новых приключений; их ничто не смущает, ибо все заранее рассчитано, ни одна добыча не ускользнет от них; уже первый взгляд, который они бросают на женщину, оценивает ее с этой стороны – будь то жена друга или ее горничная. Про таких людей часто говорят с презрительной усмешкой, что они охотники за женщинами, не отдавая себе отчета, как метко это сказано, ибо они с неменьшей страстью и жестокостью, чем охотники за дичью, выслеживают, травят свою жертву. Они всегда начеку, всегда готовы идти по следу, куда бы он их ни завел. В них всегда тлеет огонь, но это не жар любящего сердца, а страсть игрока, холодная, расчетливая и опасная. Среди таких людей есть упорные, для которых не только юность, но вся жизнь до старости – сплошная цепь любовных походов; их день распадается на сотни мелких чувственных впечатлений – беглый взгляд, мимолетная

улыбка, прикосновение к колену соседки, – а год – опять-таки на сотни таких дней; погоня за женщинами – вот их единственный и постоянный стимул к жизни.

Здесь не было партнера для игры, барон сразу увидел это. Нет большей досады для игрока, в предвкушении выигрыша сидящего за зеленым столом с картами в руках, как тщетное ожидание партнера. Барон потребовал газету. Его хмурый взгляд скользил по строчкам, но мысли дремали и точно пьяные спотыкались о слова.

Вдруг он услышал позади себя шелест платья и голос, проговоривший укоризненно и жеманно: – *Mais tais-toi done, Edgar.*

Мимо его стола прошумело шелковое платье и проплыла высокая, пышная фигура; за ней шел маленький, бледный мальчуган в черном бархатном костюме, бросивший на барона любопытный взгляд. Они сели против него за оставленный для них стол. Мальчик явно старался вести себя чинно, но, судя по беспокойному блеску его черных глаз, это давалось ему нелегко. Дама – барон смотрел только на нее – была одета хорошо, со вкусом и принадлежала к тому типу женщин, который особенно нравился барону: несколько полная еврейка, в расцвете зрелой красоты, видимо с огоньком, но умеющая скрывать это под маской возвышенной меланхолии. Ему еще не удалось заглянуть в ее глаза, и он восхищался пока лишь красивым изгибом бровей, точеным носом, который хотя и выдавал ее происхождение, но своей благородной формой сообщал профилю изящество и пикантность. Волосы, как и все в ее полной фигуре, отличались чрезвычайной пышностью. Несомненно, это была женщина, пресыщенная поклонением, уверенная в себе и в своих чарах. Тихим голосом она заказывала обед и делала замечания мальчику, бренчавшему вилкой, – все это с видимым безразличием, как будто не замечая осторожного, подкрадывающегося взгляда барона, хотя именно это неотступное внимание было причиной ее изысканного поведения за обедом.

Хмурое лицо барона мигом просияло, складки разгладились, невидимый ток пробежал по нервам, мускулы напряглись, вся его фигура ожила, глаза заблестели. Он сам был немного похож на тех женщин, которым необходимо присутствие мужчины для того, чтобы проявить все свое обаяние. Энергия его пробуждалась только от предвкушения любовной интриги. Так было и сейчас – охотник почуял добычу. Он вызывающе искал ее взгляда, не раз скользнувшего по его лицу, но не дававшего ясного ответа на его вызов. Ему казалось, что губы ее складываются в чуть заметную улыбку, но все это было неопределенно, и эта неопределенность еще больше разжигала его. Единственное, что подавало надежду, – это ее взгляд, упорно смотревший мимо него, – он чувствовал в нем противодействие и в то же время смущение, – и еще нарочитый, рассчитанный на зрителя тон разговора с ребенком. Он чуял за ее слишком подчеркнутым спокойствием легкую тревогу. Сам он тоже был взволнован: игра началась. Он не торопился с обедом; в течение получаса он почти не отрывал глаз от этой женщины, пока не изучил каждую черту ее лица, не проследил взглядом каждую линию ее полной фигуры. За окнами сгущались душные сумерки, лес судорожно вздыхал, словно объятый страхом, огромные дождевые тучи протягивали к нему свои свинцовые серые руки, все темнее становилось в комнате, все сильнее угнетала царившая здесь тишина. Разговор матери с сыном звучал все более принужденно, все более искусственно; было ясно, что он вот-вот оборвется. Тогда барон решил сделать опыт. Он первым встал из-за стола, глядя мимо нее в окно, и медленно направился к дверям. Тут он быстро повернул голову, как будто что-то забыл, – и поймал внимательный взгляд, устремленный на него.

Это его окрылило. Он остался в вестибюле. Вскоре она появилась, ведя мальчика за руку, мимоходом перелистала журналы, показала сыну несколько картинок. Но когда барон подошел к столу, как будто для того, чтобы взять журнал, а на самом деле, чтобы заглянуть поглубже в ее влажно блестящие глаза, может быть даже завязать разговор, – она отвернулась, похлопала мальчика по плечу и, проговорив: «Viens, Edgar! Au lit» [[2]], спокойно прошла мимо него. Барон не без досады посмотрел ей вслед. Он собственно рассчитывал познакомиться в этот же вечер, и ее решительный уход разочаровал его. Но в конце концов в этом сопротивлении была своя прелесть, и как раз неуверенность в успехе подзадоривала его. Так или иначе – он нашел партнера; можно начинать игру.

Внезапная дружба

На другое утро, войдя в вестибюль, барон увидел сына прекрасной незнакомки в оживленной беседе с двумя мальчиками-лифтерами: он показывал им картинки в книге Карла Мэя. Его матери не было; вероятно, она была еще занята своим туалетом. Теперь только барон обратил внимание на ребенка. Это был застенчивый, физически плохо развитой, нервный мальчуган лет двенадцати, с порывистыми движениями и темными, беспокойными глазами. Как многие дети в этом возрасте, он казался чем-то напуганным, словно его только что разбудили и привели в чужое место. Он был миловиден, но черты его еще не определились, борьба между детством и зрелостью, по-видимому, только начиналась; все было лишь намечено, ни одна линия не завершена в его болезненно бледном, нервном лице. К тому же, как всегда в этом неблагоприятном возрасте, когда детям все не впору, а тщеславие еще не понуждает их следить за своей наружностью, костюм на нем сидел плохо, рукава и брюки болтались на слишком худых руках и ногах.

Мальчик, слоняясь по вестибюлю без дела, производил довольно жалкое впечатление. В сущности он всем мешал. То отстранит его портье, к которому он приставал со всякими расспросами, то оттолкнет кто-нибудь от двери. По-видимому, ему не с кем было поговорить. Детская потребность в болтовне побуждала его искать собеседников среди служащих отеля; те отвечали ему, когда у них было время, и тотчас обрывали разговор, как только показывался кто-нибудь из взрослых или срочная работа отзывала их. Барон, улыбаясь, участливо наблюдал бедного мальчика, который на все смотрел с таким любопытством и от которого все неприветливо отворачивались. Один раз он поймал устремленный на него любопытный взгляд, но черные глаза сейчас же испуганно метнулись в сторону и спрятались за опущенными веками. Это показалось барону забавным; мальчик заинтересовал его, и он подумал, не может ли этот ребенок, пугливость которого объясняется, вероятно, только застенчивостью, послужить посредником для скорейшего знакомства. Во всяком случае надо попытаться. Он пошел за мальчуганом, который только что выскочил во двор и, обуреваемый желанием приласкаться, погладил розовые ноздри белой лошадки; но и здесь – ему положительно не везло – кучер довольно грубо отогнал его. Обиженный и скучающий, он бродил по двору, и взгляд у него был пустой и немного грустный. Тут-то барон и заговорил с ним.

– Ну, молодой человек, как тебе здесь нравится? – спросил он, стараясь произнести эти слова самым простым и веселым тоном.

Мальчик покраснел до ушей и боязливо посмотрел на барона. Точно в испуге, он прижал руку к груди и застенчиво переминался с ноги на ногу. Никогда еще с ним не заговаривал чужой человек.

– Спасибо, очень нравится, – еле выдавил он из себя.

– Это меня удивляет, – сказал барон, смеясь, – в сущности здесь довольно скучно – особенно для такого молодого человека, как ты. Что же ты делаешь целый день?

Мальчуган был еще слишком смущен и не нашелся сразу, что ответить. Ведь до сих пор его никто знать не хотел, – неужели этот нарядный господин вправду хочет с ним поговорить? Эта мысль внушала ему одновременно и робость и гордость. Наконец, он собрался с духом.

– Я читаю, и мы много гуляем с мамой. Иногда ездим кататься. Я должен здесь поправиться, я был болен. Доктор сказал, что я должен много сидеть на солнце.

Последние слова он проговорил увереннее. Дети всегда гордятся перенесенной болезнью: они знают, что страх за них удваивает внимание к ним в семье.

– Да, солнце полезно для таких юношей, как ты; тебе надо загорать. Но зачем ты сидишь здесь целый день? В твоем возрасте нужно больше бегать, шалить и даже поозорничать немного. Мне кажется, ты слишком благоденствен, ты такой комнатный, с этой толстой книгой подмышкой. Помню, каким я был сорванцом в твои годы! Каждый вечер приходил домой в рваных штанах. Не надо быть слишком смирным!

Мальчик невольно улыбнулся, и страх его пропал. Он хотел ответить, но это казалось ему слишком смелым, слишком дерзким по отношению к этому славному незнакомцу, который так ласково разговаривал с ним. Он никогда не был бойким, всегда легко конфузился, а сейчас от радости и смущения пришел в полное замешательство. Ему очень хотелось продолжать беседу, но он ничего не мог придумать. К счастью, явился большой желтый сенбернар отеля, обнюхал их обоих и позволил себя погладить.

– Ты любишь собак? – спросил барон.

– Очень! У моей бабушки есть собака. Когда мы живем в Бадене, на бабушкиной вилле, собака целый день со мной. Но это только летом, когда мы там гостим.

– У нас в имении их, наверное, десятка два. Если ты будешь хорошим мальчиком, я подарю тебе одну из них. Коричневого щенка с белыми ушами. Хочешь?

Мальчик покраснел от радости.

– Хочу!

Это вырвалось у него горячо и жадно. Но он тотчас прибавил с боязливым сомнением:

– Но мама не позволит. Она говорит, что не потерпит собаку в доме, с ней слишком много хлопот.

Барон улыбнулся. Наконец-то разговор коснулся мамы.

– Разве твоя мама такая строгая?

Мальчик подумал, посмотрел на барона, будто спрашивая, можно ли довериться этому чужому человеку. Ответ последовал осторожный:

– Нет, мама не очень строгая. Теперь, после болезни, она все мне позволяет. Может быть, она даже позволит мне взять собаку.

– Хочешь, я попрошу ее?

– Да, пожалуйста, попросите! – обрадовался мальчуган. – Тогда мама, наверное, позволит. А какая ваша собака? У нее белые уши, да? Она умеет носить поноску?

– Да, она все умеет. – Барон улыбнулся, заметив, как от его слов у мальчугана разгорались глаза. Сразу исчезла застенчивость, и горячность, до сих пор сдерживаемая страхом, прорвалась наружу. Боязливый, запуганный ребенок с быстротой молнии преобразился в резвого шалуна. «Если бы у его матери за сдержанностью скрывалась такая же страстность!» – невольно подумал барон. Но мальчик уже засыпал его вопросами:

– Как зовут вашу собаку?

– Каро.

– Каро! – восторгался мальчик. Он смеялся и радовался каждому слову, опьяненный тем, что кто-то неожиданно отнесся к нему столь дружелюбно. Барон сам удивлялся своему быстрому успеху и решил ковать железо пока горячо. Он предложил мальчику пойти погулять, и бедный ребенок, изголодавшийся за долгие недели по обществу, был в полном восторге. Он беспечно выбалтывал то, на что его наводил новый друг при помощи безобидных, как бы случайных, вопросов. Вскоре барон уже узнал все о его семье: что Эдгар – единственный сын венского адвоката, принадлежащего, видимо, к состоятельной еврейской буржуазии, что мать не в восторге от пребывания в Земмеринге и жалуется на отсутствие приятного общества; из уклончивого ответа Эдгара на вопрос, очень ли мама любит папу, он уловил, что здесь дело обстоит не вполне благополучно. Ему было почти стыдно той легкости, с какой он выпытал у доверчивого мальчика все эти маленькие семейные тайны. Эдгар, гордясь тем, что кто-то со вниманием слушает его, почти навязывал новому другу свою откровенность. Барон обнимал его за плечи, и Эдгар, от мысли, что все могут видеть его в дружеской беседе со взрослым, мало-помалу забыл о разнице в годах и болтал свободно и непринужденно, как со своим сверстником. Эдгар был, судя по всему, очень умен, не по возрасту развит, как почти все болезненные дети, которые проводят больше времени со взрослыми, чем с товарищами в школе, и отличался необычайно обостренным чувством любви или ненависти. Ни к чему у него не было спокойного отношения; о каждом человеке, о каждом предмете он говорил либо восторженно, либо с таким отвращением, что лицо его перекашивалось и становилось злым и некрасивым. В горячности, с какой он говорил, было что-то необузданное, порывистое, быть может, в этом сказывались последствия недавно перенесенной болезни; казалось, что его угловатость не что иное, как с трудом подавляемый страх перед собственной страстностью.

Барон без всяких усилий приобрел его доверие. Всего полчаса потребовалось на то, чтобы завладеть этим пылким, беспокойно бьющимся сердцем. Так бесконечно легко обманывать детей, эти простодушные создания, любви которых так редко добиваются. Ему стоило только перенестись в прошлое – и он так естественно и непринужденно вошел в тон детской болтовни, что мальчику казалось, будто он разговаривает с равным, и уже через несколько минут от его робости не осталось и следа. Он был счастлив, что здесь, в этом пустынном месте, неожиданно нашел друга – и какого друга! Забыты венские товарищи с их тоненькими голосами и наивной болтовней, вычеркнуты из памяти с этого знаменательного часа. Вся его восторженная привязанность принадлежала теперь этому новому, взрослому другу. Его сердце преисполнилось гордости, когда барон, прощаясь,

предложил ему завтра утром опять погулять вместе и уже издали еще раз кивнул ему, как брату. Это была, может быть, лучшая минута в его жизни. Ничего нет легче, как обманывать детей.

Барон с улыбкой смотрел вслед убежавшему мальчику. Посредник был найден. Он знал, что мальчик замучит теперь свою мать рассказами, передаст ей каждое слово, – и он с удовольствием припомнил, как ловко он вставил в разговор несколько комплиментов по адресу матери, неизменно называя ее «твоя красивая мама».

Можно не сомневаться, что общительный мальчик не успокоится, пока не познакомит его со своей матерью. Он сам больше палец о палец не ударит, чтобы сократить расстояние между собой и прелестной незнакомкой; он может спокойно наслаждаться красотами природы и мечтать: он знает, что горячие детские руки прокладывают для него мост к ее сердцу.

Трио

План барона, как обнаружилось в тот же день, оказался отличным, превосходным и удался до мельчайших подробностей. Когда барон – нарочно с некоторым опозданием – вошел в столовую, Эдгар вскочил со стула, поклонился со счастливой улыбкой – и помаhal ему рукой; потом потянул свою мать за рукав, быстро и взволнованно что-то шепча ей и кивая на барона... Она, краснея и смущаясь, пожурела его за слишком шумное поведение, но была вынуждена, уступая настойчивому желанию мальчика, взглянуть в сторону барона, который немедленно воспользовался этим и отвесил почтительный поклон. Итак – знакомство состоялось. Ей пришлось ответить на его поклон, но затем она нагнулась над тарелкой и в течение всего обеда больше ни разу не посмотрела на него. Иначе держал себя Эдгар, который все время поглядывал на барона и раз даже попытался заговорить с ним через стол, но это было уже явное неприличие, и мать строго остановила его. После обеда, когда она велела ему идти спать, он стал шептаться с ней, видимо горячо упрасывая ее, и, наконец, получил разрешение подойти к соседнему столику и проститься со своим другом. Барон сказал ему несколько ласковых слов, от чего глаза мальчика опять заблестели, и минуты две поболтал с ним. Потом барон встал и, повернувшись изящным движением к соседке, поздравил несколько смущенную мать с таким умным, развитым сыном, упомянул об удовольствии, которое доставила ему утренняя прогулка, – Эдгар стоял тут же, весь красный от гордости и счастья, – и в заключение стал расспрашивать о его здоровье так заботливо и подробно, что она не могла не отвечать. Незаметно завязалась продолжительная беседа, к которой мальчик прислушивался почти благоговейно, сияя от счастья. Барон представился, и ему показалось, что его имя и титул польстили ее тщеславию. Во всяком случае она была очень любезна с ним, хотя и сдержанна, и даже рано простилась, под предлогом, что мальчику пора спать.

Эдгар попытался протестовать, горячо уверяя, что он ничуть не устал и готов просидеть хоть всю ночь, но мать уже протянула барону руку; тот почтительно приложился к ней.

Мальчик плохо спал эту ночь. В его детской душе радость боролась с отчаянием. Что-то новое вошло сегодня в его жизнь. Впервые он приобщился к жизни взрослых. В полусне он забывал свой возраст, и ему казалось, что он и сам – уже не мальчик. Он рос одиноким, болезненным ребенком, друзей у него было мало. Для утоления потребности в

ласке он мог обращаться только к родителям, которые мало им интересовались, да к прислуге. Силу вспыхнувшего чувства нельзя измерять только непосредственным поводом к нему, не принимая во внимание той мрачной полосы тоски и одиночества, которая предваряет все большие события в жизни сердца. Эдгара давно томил тяжелый груз нерастрченных чувств, и теперь он очертя голову бросился в объятия первому, кто показался ему достойным любви. Он лежал в темноте, взволнованный, счастливый; ему хотелось смеяться, но из глаз текли слезы, ибо он любил этого человека, как никогда не любил ни друга, ни отца, ни матери, ни даже бога. Всем своим детским, неискушенным сердцем тянулся он к тому, чье имя впервые узнал два часа тому назад.

Но мальчик он был неглупый, и его не смущала неожиданность этой странной дружбы. Мучило его другое: сознание своей ничтожности. «Достоин ли я его, я, двенадцатилетний мальчишка, который должен ходить в школу, которого раньше всех посылают спать? – спрашивал он себя. – Чем я могу быть для него, что я могу ему дать?» Именно это чувство неполноценности, бессилие проявить свою любовь приводило его в отчаяние. Обычно, полюбив кого-нибудь из товарищей, он прежде всего делился с ним сокровищами, припрятанными в парте: камушками или марками, но все эти детские пустячки, еще вчера казавшиеся ему бесценными, теперь сразу поблекли, потускнели и потеряли всякую прелесть в его глазах. Мог ли он предложить их своему новому другу, к которому он даже не смел обратиться на «ты»? Есть ли путь, есть ли возможность выразить ему свои чувства? Все сильнее терзался он сознанием своей незрелости, сознанием, что он еще только полчеловека, только двенадцатилетний ребенок; никогда еще не проклинал он так бурно свой детский возраст, никогда не испытывал такой жажды проснуться иным, таким, каким видел себя во сне: большим и сильным, мужчиной, таким, как все взрослые.

В эти тревожные мысли вплетались первые радужные мечты о новом мире взрослого мужчины. Эдгар, наконец, заснул, с улыбкой на устах, но спал он беспокойно, даже во сне не забывая о завтрашнем свиданье. Боясь опоздать, он вскочил уже в семь часов, поспешно оделся, зашел поздороваться в комнату матери, чем очень удивил ее, так как обычно она никак не могла поднять его с постели, и, не отвечая на ее вопросы, побежал вниз. До девяти часов он слонялся, сгорая от нетерпения, забыв о завтраке, занятый одной мыслью – не заставить ждать своего друга.

В половине десятого барон, наконец, неторопливо, с самым беспечным видом спустился в вестибюль. Он, конечно, давно забыл о данном обещании, но когда Эдгар стремительно кинулся к нему, он улыбнулся этому страстному порыву и выразил готовность сдержать свое слово. Он взял мальчика под руку, прошелся немного со своим юным, сияющим от счастья спутником, однако отказался – мягко, но решительно – предпринять сейчас же совместную прогулку. Он как будто чего-то ждал, судя по нетерпеливым взглядам, которые он бросал на дверь. Вдруг барон насторожился. Мать Эдгара вошла в вестибюль и, приветливо ответив на поклон барона, направилась к ним. Она одобрительно улыбнулась, услышав о предполагаемой прогулке, о которой Эдгар не рассказал ей, ревниво храня заветную тайну, и ответила согласием на приглашение барона принять в ней участие.

Эдгар сразу насупился, кусая губы. Какая досада, что она вошла именно в эту минуту! Эта прогулка всецело принадлежала ему: если он и представил своего друга маме, то это была лишь любезность с его стороны, а уступать его он не намерен. Заметив галантное обращение барона с матерью, он уже испытывал нечто вроде ревности.

Они отправились на прогулку втроем, и слишком явное внимание, которое оба взрослых спутника уделяли ребенку, укрепляло в нем опасное сознание собственной значительности. Эдгар был почти единственным предметом их беседы: мать с несколько преувеличенной тревогой говорила о том, какой он бледненький и нервный, а барон, со своей стороны, возражал ей, улыбаясь, и рассыпался в похвалах своему «другу», как он его называл. Никогда еще мальчик не был так счастлив. Впервые ему предоставили права, которых он всегда был лишен. Он принимал участие в разговоре, и никто не останавливал его; он даже выражал дерзкие пожелания, и ему не влетало за это. Не удивительно, если в нем с каждой минутой усиливалось обманчивое чувство, что он уже взрослый. Он тешил себя мыслью, что детство уже осталось позади, как сброшенное платье, из которого он вырос.

Во время обеда, по приглашению матери Эдгара, которая становилась все приветливей, барон сидел за их столом. Визави превратился в соседа, знакомый – в друга. Трио было настроено, и три голоса – женский, мужской и детский – звучали в полной гармонии.

Атака

Нетерпеливый охотник решил, что настало время подкрасться к дичи. Семейственный ансамбль наскучил ему. Очень мило сидеть втроем и болтать, но в конце концов не болтовня же была его целью. А он знал, что салонный тон, требующий маскировки желаний, всегда мешает достижению цели, ибо лишает слова горячности, а натиск – пыла. Надо сделать так, чтобы за светской беседой она не забывала об его истинных намерениях, которые – в этом он не сомневался – она уже разгадала.

Было много шансов, что его усилия увенчаются успехом. Она достигла того критического возраста, когда женщина начинает раскаиваться, что всю жизнь была верна мужу, которого в сущности никогда не любила, и когда пышный закат ее красоты еще позволяет сделать выбор: быть только матерью или еще раз – в последний – быть женщиной. Жизненный путь, который, казалось, давно уже стал бесспорным, в эту минуту еще раз берется под сомнение, в последний раз магнитная стрелка воли колеблется между надеждой на страсть и окончательным самоотречением. Она стоит перед решающим выбором – жить своей личной жизнью или жизнью своих детей, материнскими или женскими чувствами. И барон, проницательный в такого рода вещах, подметил у матери Эдгара признаки таких колебаний. Она никогда не упоминала в разговоре о своем муже и в сущности чрезвычайно мало была посвящена во внутреннюю жизнь своего ребенка. Выражение скуки, завуалированное меланхолией, туманило ее миндалевидные глаза и лишь слегка приглушало таившийся в них огонь. Барон решил идти к цели стремительно и вместе с тем не выказывать поспешности. Напротив, как рыболов, который, приманивая добычу, отпускает леску, он разыгрывал равнодушие, чтобы заставить своего партнера помогать сближению, хотя на самом деле этого домогался он. Он решил держаться несколько высокомерно, подчеркивая различие в общественном положении; его

соблазняла мысль овладеть этой пышной, зрелой красотой, надеясь только на свою наружность, громкое аристократическое имя и холодное обращение.

Игра начинала уже не на шутку волновать его, и поэтому он принудил себя к осторожности. Почти весь день он провел у себя в комнате, в приятном сознании, что его ждут и сожалеют об его отсутствии. Но этот маневр не произвел особенно сильного впечатления на ту, в кого метил барон, зато бедный мальчик совсем истерзался. Эдгар чувствовал себя целый день бесконечно несчастным и потерянным. С упорной, свойственной его возрасту верностью он все эти долгие часы неустанно поджидал своего друга. Уйти или заняться чем-нибудь в одиночестве казалось ему изменой. Он бродил как неприкаянный по коридорам, и с каждым часом горе его усугублялось. Он уже был почти уверен, что с бароном случилось какое-нибудь несчастье или он, Эдгар, нечаянно обидел его, и мальчик чуть не плакал от нетерпения и страха.

Когда барон явился вечером к столу, ему был оказан блестящий прием. Эдгар, невзирая на строгий окрик матери и удивленные взгляды обедающих, бросился к нему навстречу и бурно обнял его худенькими руками. – Где вы были? Куда вы ушли? – порывисто спрашивал он. – Мы всюду искали вас. – Услышав это «мы», мать Эдгара покраснела и сказала почти сердито: «Sois sage, Edgar. Assieds toi!». (Она всегда говорила с ним по-французски, хотя владела этим языком далеко не в совершенстве и при более длительных разъяснениях частенько садилась на мель).

Эдгар повиновался, но продолжал приставать к барону.

– Ты забываешь, что барон волен делать, что ему угодно. Может быть, ему скучно с нами. – На этот раз она сама говорила и от своего имени, и барон с радостью почувствовал, что она напрашивается на комплимент.

Охотничий инстинкт властно заговорил в нем. Он был опьянен, взволнован – как быстро он напал на след, и дичь уже на расстоянии выстрела. Глаза у него заблестели, кровь кипела, речь лилась легко и свободно. Как всякий чувственный мужчина, он становился вдвойне добрым, вдвойне самим собой, как только замечал, что нравится женщинам; так многие актеры играют с вдохновением лишь тогда, когда чувствуют, что весь зрительный зал покорен ими. Он всегда слыл превосходным рассказчиком, умеющим говорить живо и образно, но сегодня – он выпил несколько бокалов шампанского, заказанного в честь новой дружбы, – он превзошел самого себя. Он рассказывал об охоте в Индии, в которой принимал участие, когда гостил у своего друга – знатного англичанина. Он намеренно выбрал такую безопасную тему; кроме того, он догадывался, что эту женщину должна волновать недоступная для нее экзотика. Эдгара же он пленил окончательно: глаза мальчика сверкали от восторга. Он не ел, не пил и жадно ловил каждое слово рассказчика. Ему и не снилось, что он когда-нибудь воочию увидит человека, на самом деле пережившего все эти невероятные приключения, о которых он читал в книжках: охота на тигров, темнокожие индийцы, и Джагернаут – страшная священная колесница, давившая тысячи людей. До сих пор он не верил, что есть на свете такие люди, как не верил в существование сказочных стран, и рассказы барона внезапно открыли перед ним огромный неведомый мир. Он не сводил глаз со своего друга; не дыша смотрел на его руки, убившие тигра. Он едва осмеливался дрожащим голосом задавать вопросы; живое воображение рисовало ему яркие картины: вот его друг верхом на слоне, покрытом пурпурным чепраком, справа и слева темнокожие люди в роскошных тюрбанах, и вдруг из джунглей выскакивает тигр с оскаленными зубами и бьет грозной лапой по

хоботу слона. Теперь барон рассказывал еще более увлекательные вещи, – к каким хитростям прибегают, охотясь на слонов: старые ручные животные заманивают в вагоны молодых, диких и резвых. Глаза мальчика лихорадочно блестели. И вдруг – точно нож, сверкнув, упал перед ним – его мама сказала, взглянув на часы: «Neuf heures! Au lit!».

Эдгар побледнел. Для всех детей слова «иди спать» ужасны, потому что это самое осязаемое унижение, самое явное клеймо неполноценности, самое наглядное различие между взрослыми и ребенком. Но во сколько раз убийственнее этот позор сейчас, в самый интересный момент, когда это лишает его права дослушать столь волнующий рассказ!

– Пожалуйста, мама, одну минутку, только еще про слонов.

Он хотел было начать клячиться, но тут же спохватился, вспомнив о своем новом достоинстве взрослого мужчины. Он решился лишь на одну попытку. Но почему-то сегодня мама была необыкновенно строга: – Нет, нет, поздно. Ступай наверх. Sois sage, Edgar. Я тебе все подробно расскажу, что будет говорить барон.

Эдгар медлил. Обычно мать укладывала его спать. Но он не настаивал, не желая унижаться перед своим другом. Детская гордость заставила его сохранить хотя бы видимость добровольного ухода.

– Правда, мама? Ты расскажешь мне все, все? И про слонов и про все другое?

– Расскажу, расскажу.

– И сейчас же! Сегодня же!

– Да, да, а теперь иди спать. Иди!

Эдгар и сам не ожидал, что ему удастся так спокойно подать руку барону и маме, хотя рыдания уже подступали к горлу. Барон дружески взъерошил ему волосы, и это еще вызвало улыбку на напряженном лице мальчика. Но потом он стремглав бросился к двери – иначе они увидели бы, как крупные слезы текли по его щекам.

Слоны

Мать Эдгара и барон посидели еще немного за столом, но они уже не говорили ни о слонах, ни об охоте на тигров. Едва мальчик ушел, между собеседниками возникла какая-то неловкость, какое-то неуловимое беспокойство. В конце концов они перешли в вестибюль и уселись в уголок. Барон блистал остроумием, она была слегка разгорячена шампанским, и их разговор сразу принял опасный оборот. Барона, собственно говоря, нельзя было назвать красивым; но он был молод, его смуглое энергичное лицо, мальчишески коротко остриженные волосы, быстрые, почти развязные движения пленяли ее своей юношеской непосредственностью. Она теперь с удовольствием смотрела на него вблизи и уже не боялась его взгляда. Но мало-помалу его слова становились более вольными, в них проскальзывало едва прикрытое желание – как будто он прикасался к ее телу, – и тогда она смущалась и краснела. Потом он снова смеялся весело, непринужденно, и это сообщало всем этим маленьким нескромностям видимость детской шутки. Ей иногда казалось, что она должна бы его строго остановить, но она была кокетлива от природы, и эта фривольная игра нравилась ей; в конце концов она сама увлеклась и даже стала подражать ему. Она бросала на него многообещающие взгляды, в

словах и жестах уже отдавалась ему, когда он придвигался так близко, что она чувствовала на плече его теплое, трепетное дыхание. Подобно всем игрокам, они не заметили, как пролетело время, и опомнились только в полночь, когда начали гасить огни.

Она вскочила и с испугом подумала о том, как далеко она позволила себе зайти. Игра с огнем не была для нее новинкой, но она безотчетно понимала, что на этот раз ей грозит опасность. С ужасом чувствовала она, что теряет уверенность в себе, что почва ускользает из-под ног, и все представляется ей смутным, как в бреду. Голова кружилась от волнения, вина и страстных слов, безрассудный, панический страх охватил ее, – как уже не раз в такие опасные минуты, – но впервые в жизни он овладел ею с такой властной силой.

– Покойной ночи, покойной ночи. До завтра, – торопливо проговорила она, порываясь бежать. Бежать не столько от него, сколько от опасности этой минуты, от новой, странной неуверенности в самой себе. Но барон, с мягкой настойчивостью удержав протянутую для прощания руку, поцеловал ее, и не один раз, как требует вежливость, а несколько раз – от кончиков тонких пальцев до сгиба кисти, и она с легкой дрожью ощутила на своей руке щекочущее прикосновение его жестких усов. Томительное сладостное тепло разлилось по всему телу, кровь бросилась ей в голову, бешено застучала в висках, страх, безотчетный страх вспыхнул с новой силой, и она быстро отдернула руку.

– Не уходите, – прошептал барон. Но она уже убегала от него с неловкой поспешностью, которая изобличала ее страх и растерянность. Он добился своего: она была в волнении, в тревоге, она уже сама не понимала, что с ней творится. Ее гнал жестокий, жгучий страх, что он последует за ней и схватит ее, и вместе с тем она жалела, что он этого не сделал. Ведь сейчас могло свершиться то, чего она бессознательно ждала годами, настоящее любовное приключение, о котором она всегда втайне мечтала, но перед которым до сих пор всегда отступала в последнюю минуту, – приключение опасное и захватывающее, а не легкий, мимолетный флирт. Но барон был слишком горд, чтобы воспользоваться удобным случаем. Уверенный в победе, он не хотел овладеть этой женщиной в минуту слабости и опьянения, правила игры требовали честного поединка, – она сама должна признать себя побежденной. Ускользнуть от него она не могла. Он видел, что отравы уже проникла в кровь.

На площадке лестницы она остановилась, тяжело дыша, прижав руку к бьющемуся сердцу. Нервы были натянуты до предела. Из груди вырвался вздох не то радости, не то сожаления; мысли путались, голова слегка кружилась. С полузакрытыми глазами, точно пьяная, добралась она до своей комнаты и вздохнула свободно, лишь когда схватилась за холодную ручку двери. Только теперь она почувствовала себя вне опасности!

Она тихонько приоткрыла дверь и тут же испуганно отшатнулась. Что-то зашевелилось в глубине темной комнаты. Перенапряженные нервы не выдержали, она уже открыла рот, чтобы поднять крик, когда раздался тихий, сонный голос:

– Это ты, мама?

– Господи боже мой, что ты здесь делаешь? – Она бросилась к дивану, где лежал, свернувшись клубочком, Эдгар. Ее первой мыслью было, что ребенок заболел или с ним случилось несчастье.

Но Эдгар, еще полусонный, сказал с легким упреком:

– Я ждал тебя, ждал, а потом заснул.

– Зачем же ты ждал меня?

– А слоны?

– Какие слоны?

Тут только она поняла. Она ведь обещала ему еще сегодня рассказать про охоту и все приключения. И мальчик прокрался в ее комнату, простодушный, глупый мальчик, и доверчиво ждал ее прихода, пока не заснул. Этот нелепый поступок возмутил ее. Или, вернее, она сердилась на самое себя, ей хотелось заглушить шевельнувшееся в ней чувство стыда и вины. – Сию минуту иди спать, негодный мальчишка! – крикнула она. Эдгар посмотрел на нее с изумлением. Почему она так сердится на него, ведь он ничего дурного не сделал? Но его удивление еще больше разозлило ее. – Иди сейчас же к себе в комнату! – закричала она в бешенстве, чувствуя, что не права. Эдгар ушел, не проронив ни слова. Он ужасно устал и только сквозь давивший его сонный туман смутно чувствовал, что его мать не сдержала слова и что с ним поступили нехорошо. Но он не спорил. Все в нем отупело от усталости. Кроме того, он очень досадовал на себя за то, что заснул, вместо того чтобы дождаться матери. «Точно маленький ребенок», – с возмущением подумал он, прежде чем опять заснуть.

Ибо со вчерашнего дня он ненавидел свое детство.

Перестрелка

Барон плохо спал эту ночь. Всегда опасно ложиться спать после прерванного приключения; беспокойный, тяжелый сон очень скоро заставил его пожалеть об упущенном случае. Когда утром, невыспавшийся и мрачный, он спустился вниз, мальчик, выскочив из засады, бросился ему навстречу, восторженно обнял его и начал приставать с вопросами. Эдгар был счастлив, что может хоть на минуту всецело завладеть своим взрослым другом, не уступая его матери. Пусть он расскажет только ему, а не маме, настойчиво просил он, – она не сдержала слова и ничего ему не рассказала о всех чудесах. Он засыпал застигнутого врасплох барона, не скрывавшего своего дурного настроения, сотней назойливых детских вопросов. К ним он примешивал бурные изъявления своей любви, не помня себя от счастья, что, наконец, он опять наедине со своим другом, которого дожидался с раннего утра.

Барон отвечал неприветливо. Это вечное выслеживание, наивные вопросы мальчика и его чрезмерная, непрошенная любовь становились ему в тягость. Изволь изо дня в день возиться с двенадцатилетним мальчишкой и болтать всякий вздор! Барон хотел только одного: ковать железо пока горячо, остаться с матерью Эдгара наедине, а это было нелегкой задачей. Именно из-за назойливости мальчика. Впервые он подумал с неудовольствием, что поступил неосмотрительно, возбудив столь горячую дружбу, но пока он не видел средства отделаться от чересчур привязчивого мальчика.

Все же барон решил попытаться. До десяти часов, когда он, согласно уговору, должен был сопровождать на прогулке мать Эдгара, барон терпеливо сносил оживленную болтовню мальчика, почти не слушал его, лишь изредка вставляя слово, чтобы не обидеть его, и в то же время перелистывая газету. Как только часовая стрелка подошла почти вплотную к десяти, барон, точно вдруг что-то вспомнив, попросил Эдгара сходить в гостиницу напротив и узнать, не приехал ли его кузен, граф Грундгейм.

Ничего не подозревая, мальчик, счастливый, что может, наконец, услужить своему другу, гордясь важным поручением, сейчас же сорвался с места и помчался через дорогу так стремительно, что прохожие удивленно смотрели ему вслед. Но ему хотелось показать, как усердно он исполняет свою обязанность гонца. В гостинице ему сказали, что граф еще не приехал и даже не предупреждал о своем приезде. С этим известием он прибежал обратно с той же бешеной скоростью. Но барона в вестибюле не было. Тогда Эдгар постучал к нему в комнату – тщетно! Встревоженный, он обегал все помещения, заглянул в гостиную, где стоял рояль, в кафе; потом бросился в комнату матери, чтобы расспросить ее; но матери тоже не было! Портье, к которому он с отчаяния решил обратиться, сказал, к крайнему его изумлению, что несколько минут тому назад они ушли вместе.

Эдгар терпеливо ждал. В простоте своей он не подозревал ничего дурного. Он был уверен, что они скоро вернуться, – ведь барону нужно получить ответ. Но часы проходили – и понемногу им овладевало беспокойство. Вообще с того дня, как этот чужой, обольстительный человек вторгся в его маленькую, беззаботную жизнь, мальчик все время нервничал, волновался, не знал покоя. В хрупком детском организме любое слишком сильное чувство оставляет глубокий след, как на мягком воске. Нервное дрожание век возобновилось, щеки опять побледнели. Эдгар ждал и ждал – сперва спокойно, потом в неистовом волнении, под конец едва удерживаясь от слез. Но он все еще ничего не подозревал. Слепо веря в своего чудесного друга, он предполагал, что произошло какое-нибудь недоразумение, и его мучил тайный страх, что он не так понял данное ему поручение.

Но как странно ему показалось, что, когда они, наконец, вернулись, его мать и барон продолжали весело болтать и не выразили ни малейшего удивления. Как будто они совершенно не заметили его отсутствия. – Мы пошли тебе навстречу, Эди, и думали увидеть тебя по дороге, – сказал барон, даже не спрашивая об ответе, а когда мальчик, испугавшись, что они напрасно его искали, начал уверять, что он бежал прямым путем, и стал расспрашивать, по какой дороге они шли, мама оборвала разговор. – Будет, будет! Детям не полагается так много болтать.

Эдгар покраснел от досады. Это была уже вторая попытка унижить его в глазах друга. Для чего она это делает? Зачем она так старается представить его ребенком, когда он твердо знает, что уже большой. Ясно, она завидует ему и хочет отнять у него друга. И это, наверное, она нарочно повела его другой дорогой. Но он не позволит, чтобы с ним так обращались, – он ей это докажет. Он сумеет постоять за себя. И Эдгар решил ни слова не говорить с ней сегодня за столом и обращаться только к другу.

Но эта уловка не удалась. Случилось то, чего он меньше всего ожидал: никто не заметил, что он дуется. Да они и его самого как будто не замечали, а ведь еще вчера разговор вертелся только вокруг него; теперь они разговаривали между собой, шутили, смеялись, точно его и не было, точно он свалился под стол. Кровь бросилась ему в лицо,

комок подступал к горлу, дышать стало трудно. С горечью думал он о своем бессилии. Значит, он должен спокойно сидеть и смотреть, как мать отнимает у него друга – единственного человека, которого он любит, – и ничего не может сделать против этого, кроме как молчать. Ему хотелось встать со стула и ударить кулаками по столу – хотя бы для того, чтобы напомнить им о себе. Но он сдержался, только положил нож и вилку и не дотронулся до еды. Однако и это долго оставалось незамеченным, и лишь когда подали последнее блюдо, мать обратила внимание, что он не ест, и спросила, не болен ли он. «Противно, – подумал он, – у нее только одна мысль, не болен ли я, все остальное ей безразлично». Он сухо ответил, что ему не хочется есть, и она этим удовлетворилась. Ничем, решительно ничем не мог он привлечь к себе внимание. Барон как будто совсем забыл о нем, по крайней мере он не сказал ему ни слова. Слезы жгли Эдгару глаза, и он даже прибегал к детской хитрости – закрывался салфеткой, чтобы никто не увидел, как эти унижительные ребячьи слезы текут по лицу, оставляя на губах соленый вкус. Наконец, обед кончился, и он вздохнул свободно.

Во время обеда мать предложила совместную поездку в Мариа-Шутц. Услышав это, Эдгар закусил губу. Ни на минуту она не оставит его наедине с другом. Но как же он возненавидел ее, когда она сказала, вставая из-за стола – Эдгар, ты забудешь все, что проходили в школе, ты бы посидел немного дома и позанимался. – Эдгар сжимал маленькие кулаки. Опять она унижает его перед другом, опять напоминает, что он еще ребенок, что он должен ходить в школу и что его только терпят среди взрослых. Но на этот раз ее намерение было слишком явно, – он даже не ответил и повернулся к ней спиной.

– Ну вот, уж и обиделся, – проговорила она с улыбкой и обратилась к барону – Неужели так страшно посидеть часок над уроками?

И тут – сердце мальчика словно застыло и оцепенело – барон, который называл себя его другом, барон, который смеялся над тем, что он слишком комнатный, сказал: – Позаниматься часок-другой не помешало бы.

Что это – уговор? Неужели они правда в союзе против него? Глаза мальчика вспыхнули от гнева. – Папа запретил мне заниматься. Папа хочет, чтобы я здесь поправился, – бросил он, со всей гордостью своей болезнью, в отчаянии цепляясь за авторитет отца. Это прозвучало как угроза. И вот что удивительно – его слова в самом деле смутили обоих. Мать отвернулась и в волнении забарабанила пальцами по столу. Наступило неловкое молчание. – Как хочешь, Эди, – проговорил, наконец, барон, принужденно улыбаясь. – Мне экзаменов не сдавать, я давно провалился по всем предметам.

Но Эдгар не улыбнулся шутке барона, а посмотрел на него таким испытующим пристальным взглядом, как будто хотел заглянуть ему в самую душу. Что случилось? Что-то изменилось в их отношениях, и мальчик не мог понять причины. Он отвел глаза. В его сердце торопливо и подробно стучал молоточек – первое подозрение.

Жгучая тайна

«Что с ними? – думал мальчик, сидя против них в быстро катившейся коляске. – Почему они со мной не такие, как раньше? Почему мама не смотрит мне в глаза? Почему

он все шутит со мной и ломается? Они не разговаривают со мной, как вчера и позавчера. У них даже лица какие-то другие. У мамы такие красные губы – верно, она их накрасила. Этого я еще никогда не видел. А он все морщит лоб, как будто его обидели. Я им ничего не сделал, не сказал ни слова. Почему же они сердятся? Нет, не во мне дело, они сами не такие друг с другом, как раньше. Как будто они натворили что-то и боятся об этом говорить. Они не болтают, как вчера, не смеются, им будто стыдно, они что-то скрывают. У них есть какая-то тайна, которую они не хотят мне выдать. Я должен раскрыть эту тайну во что бы то ни стало. Я знаю – это, должно быть, то же самое, из-за чего взрослые всегда захлопывают двери передо мной, о чем пишут в книгах и поют в операх, когда женщины и мужчины протягивают друг к другу руки, обнимаются, а потом отталкивают друг друга. Должно быть, это вроде того, что было с моей французенкой, когда она поссорилась с папой и ей отказали. Все это, по-моему, одно и то же, только я не знаю, почему. Если бы узнать, узнать, наконец, эту тайну, завладеть ключом, который откроет все двери, перестать быть ребенком, от которого все прячут и скрывают, не давать больше себя обманывать! Теперь или никогда! Я вырву у них эту тайну, эту страшную тайну!»

На лбу у него прорезалась морщинка. Худенький двенадцатилетний мальчик, застывший в глубоком раздумье, казался почти стариком; ни разу не взглянул он на расцвеченный яркими красками пейзаж, на горы, зеленеющие свежей хвоей сосновых лесов, на долины в еще робком сиянии запоздалой весны. Он видел только свою мать и барона, сидевших против него в коляске, он словно пытался своим горячим взором, как удочкой, выловить тайну из поблескивающих глубин их глаз. Ничто так не оттачивает ум, как мучительное подозрение, ничто с такой силой не поощряет работу незрелого разума, как след, теряющийся в потемках. Иногда только тоненькая дверь отделяет детей от мира, который мы называем реальным миром, и случайный порыв ветра может распахнуть ее перед ними.

Эдгар вдруг почувствовал, что он еще никогда так близко не подходил к неведомому, к великой тайне; она была здесь, перед ним, пока еще не раскрытая, не разгаданная, но совсем, совсем близко от него. Это волновало его и сообщало ему необычную, торжественную серьезность. Ибо он безотчетно угадывал, что стоит на рубеже своего детства.

Мать Эдгара и барон чувствовали это глухое сопротивление, не подозревая, что оно исходит от сидящего против них мальчика. Им было тесно и неловко втроем в коляске. Темные, горевшие беспокойным огнем глаза Эдгара стесняли их. Они почти не решались говорить, не решались смотреть друг на друга. К прежней легкой светской беседе путь был закрыт, они слишком втянулись в тон иносказаний, под которым скрывается тайный трепет нескромных вождлений. Разговор не завязывался; они то и дело умолкали, словно споткнувшись о препятствие, начинали снова и опять умолкали, подавленные упорным молчанием мальчика.

Особенно тягостно было его мрачное молчание для матери. Она осторожно взглянула на него, увидела его плотно сжатые губы и впервые с испугом заметила, как он похож на своего отца в минуты раздражения или досады. Напоминание о муже было очень неприятно сейчас, когда она увлеклась любовной игрой. Бледный темноглазый мальчик с нахмуренным лбом и настороженным взглядом казался ей зловещим призраком, стражем ее совести, и оттого что он сидел так близко от нее в тесноте коляски, его присутствие вдвойне угнетало ее. Вдруг Эдгар поднял взгляд, и в то же мгновение и он, и она опустили глаза: впервые в жизни мать и сын почувствовали, что следят друг за

другом. До сих пор они слепо доверяли друг другу, но теперь что-то изменилось, что-то встало между ними. Впервые в жизни они наблюдали друг друга со стороны, отделяли свою судьбу от судьбы другого – уже с затаенной ненавистью, столь новой для них, что они еще не смели сознаться себе в этом.

Все трое облегченно вздохнули, когда коляска остановилась перед гостиницей. Прогулка не удалась. Это чувствовали все, но никто не решался высказать. Эдгар первый выпрыгнул из коляски. Его мать, под предлогом головной боли, поспешно поднялась к себе. Она очень устала, и ей хотелось побыть одной. Эдгар и барон остались внизу. Барон расплатился с кучером, посмотрел на часы и направился в вестибюль, не обращая внимания на мальчика. Стройный, изящный, он прошел мимо него своей легкой, упругой походкой, которая так пленяла Эдгара, что он еще вчера пытался подражать ей перед зеркалом. Он прошел мимо Эдгара, даже не взглянув на него. Очевидно, он забыл о мальчишке, оставил его стоять возле коляски с лошадьми, как будто ему нет до него никакого дела.

Когда Эдгар увидел, с каким равнодушием от него уходит тот, кого он, несмотря ни на что, все еще боготворил, отчаяние охватило его. Ушел, даже не задев его плащом, не сказав ни слова. За что? Он не чувствовал за собой никакой вины. Самообладание, стоившее ему такого труда, изменило ему; насильно поддерживаемое бремя собственного достоинства соскользнуло с его слабых плеч, и он опять стал ребенком – беспомощным, покорным, каким был еще вчера. Против своей воли, уступая внезапному непреодолимому порыву, он догнал барона, загородил ему дорогу к лестнице и весь дрожа сказал сдавленным голосом, едва удерживая слезы:

– Что я вам сделал, что вы меня и знать не хотите? Почему вы со мной обращаетесь, как с чужим? И мама тоже. Почему вы всегда отсылаете меня? Разве я вам мешаю или я в чем-нибудь виноват?

Барон смутился. В голосе мальчика было что-то, что его пристыдило, тронуло. Ему стало жаль простодушного мальчугана. – Эди, ты дурачок! Просто я сегодня не в духе. А ты хороший мальчик, и я тебя очень люблю. – Он крепко потрепал Эдгара за вихор, но отвернулся, чтобы не смотреть в полные слез молящие детские глаза. Комедия, которую он разыгрывал, начинала его тяготить. Ему стало совестно, что он с таким холодным расчетом возбудил к себе любовь этого ребенка, и больно было слушать его тоненький, вздрагивающий от затаенных рыданий голос. – Ступай наверх, Эди, а вечером мы опять будем дружить, вот увидишь, – сказал он примирительно.

– И вы скажете маме, чтобы она не отсылала меня спать? Правда?

– Скажу, Эди, скажу, – улыбнулся барон. – А теперь иди, мне нужно переодеться к обеду.

Эдгар, успокоенный, поднялся к себе. Но скоро в его сердце опять застучал молоточек. Со вчерашнего дня он стал старше на несколько лет; неведомый гость – недоверие – уже прочно поселилось в его детском сердце.

Он ждал. Ведь скоро все должно было решиться. За обедом они сидели втроем. Время подошло к девяти часам, но мать не посылала его спать. Это встревожило его. Почему она, вопреки обыкновению, как раз сегодня позволяет ему так долго оставаться внизу? Уж не сказал ли барон об их уговоре? Он уже горько раскаивался в том, что побежал за бароном и так доверчиво излил ему душу. В десять часов его мать вдруг

поднялась и простилась с бароном. И странно видимо, и он не удивился такому раннему уходу и не удерживал ее. Все громче стучал молоточек в груди мальчика.

Наступил решительный момент. Он, как ни в чем не бывало, без возражений последовал за матерью. Но дойдя до двери, он вдруг поднял глаза. И в эту секунду он поймал улыбающийся взгляд матери, брошенный через его голову в сторону барона, – взгляд, избличавший тайный сговор. Итак, барон предал его. Вот почему мать так рано уходит – они решили сегодня рассеять его подозрения, чтобы он не мешал им завтра.

– Негодяй, – пробормотал он.

– Что ты говоришь? – спросила мать.

– Ничего, – процедил он сквозь зубы. И у него теперь есть своя тайна. Имя ей – ненависть, безграничная ненависть к ним обоим.

Молчание

Волнение Эдгара улеглось. Наконец, все прояснилось и стало на место. Итак – ненависть и открытая вражда. Теперь, когда он убедился, что он им в тягость, быть с ними сделалось для него изощренным, жестоким наслаждением. Он упивался мыслью, что мешает им, что может, наконец, сразиться с ними во всеоружии своей вражды. Первый вызов он бросил барону. Когда тот утром спустился вниз и, проходя мимо, ласково проговорил «Мое почтение, Эди», Эдгар, не глядя на него и не вставая с кресла, проворчал «Доброе утро», а на вопрос «Мама уже внизу?», не отрывая глаз от газеты, ответил «Не знаю».

Барон опешил. Что с ним случилось? – С левой ноги встал, да, Эди? – Как всегда, шутка должна была спасти положение. Но Эдгар только презрительно бросил «Нет», и опять углубился в газету. – Глупый мальчишка, – пробормотал барон, пожал плечами и пошел дальше. Война была объявлена.

С матерью Эдгар обошелся холодно и очень вежливо. Неловкая попытка послать его на теннисный корт потерпела неудачу. Горькая улыбка, приподымавшая уголки плотно сжатого рта, говорила о том, что обмануть его больше не удастся. – Лучше я пойду с вами гулять, мама, – сказал он с притворным дружелюбием и заглянул ей в глаза. Ответ явно не понравился ей. Она медлила и как будто искала чего-то.

– Подожди меня здесь, – наконец, сказала она и пошла в столовую.

Эдгар послушно остался ждать, но был настороже. Теперь в каждом слове своих врагов он усматривал злой умысел. Быстро развившаяся подозрительность делала его необыкновенно догадливым. Так, вместо того, чтобы дожидаться в вестибюле, как ему было сказано, Эдгар предпочел занять наблюдательный пост на улице, откуда он мог следить не только за главным подъездом, но и за всеми остальными выходами. Инстинктивно он чуял обман. Но он не даст им ускользнуть. Он спрятался за штабелем дров – в точности так, как в рассказах об индейцах. Через полчаса – он даже засмеялся от удовольствия – мать его и в самом деле вышла из боковой двери с чудесными розами в руках в сопровождении предателя-барона.

Оба казались очень веселыми. Радуются, что избавились от него и остались наедине со своей тайной? Болтая и смеясь, они направились к лесу.

Пора было действовать. Невозмутимо, как будто он попал сюда случайно, Эдгар вышел из-за дров. Очень спокойно, очень медленно подходил он к ним, чтобы вдоволь насладиться их смущением. Увидев Эдгара, его мать и барон обменялись недоуменными взглядами. Не спеша, точно его участие в прогулке разумелось само собою, он подошел к ним, не спуская с них насмешливого взора. – А вот и ты, Эди, мы тебя искали, – проговорила мать. «Врет! Как ей не стыдно», – подумал мальчик. Но губы его не разомкнулись. Тайну ненависти он крепко держал за стиснутыми зубами.

Все трое остановились в нерешительности. Каждый следил за двумя другими. – Ну, что ж, идем, – вздохнув, сказала мать Эдгара, с досады обрывая лепестки прекрасной розы. Легкое вздрагивание ноздрей выдавало ее гнев. Эдгар стоял, как будто это его не касалось, смотрел по сторонам, а когда они двинулись, приготовился идти за ними. Барон сделал еще одну попытку: – Сегодня теннисный турнир. Ты, наверно, никогда этого не видел? – Эдгар даже не ответил, только с презрением взглянул на него и сложил губы, как будто собираясь свистнуть. Пусть знает. Война шла в открытую.

Невыносимой тяжестью давило обоих непрошенное присутствие мальчика. Так колодники ходят с конвойным, тайком сжимая кулаки. В сущности мальчик ничего дурного не делал, и все же с каждой минутой все труднее становилось выносить его подстерегающий взгляд, влажные от невыплаканных слез глаза, угрюмую раздражительность и упорное молчание. – Иди вперед! – вдруг сердито сказала мать, встревоженная его назойливым вниманием. – Не болтайся под ногами, это мне действует на нервы. – Эдгар послушался, но через каждые несколько шагов он оборачивался, останавливался, когда они отставали, и взгляд его кружил вокруг них, словно Мефистофель в образе пуделя, опутывая их огненной сетью ненависти, из которой – они это чувствовали – им не вырваться.

Ожесточенное молчание словно кислотой разъедало их веселость, недоверчивый взгляд замораживал разговор. Барон уже не решался произнести ни одного льстивого слова, он со злобой чувствовал, что эта женщина ускользает от него, что с таким трудом разожженная в ней страсть остывает из-за страха перед этим надоедливым противным мальчишкой. Они снова и снова пытались завести разговор – и каждый раз он обрывался. Наконец, они отчаялись, и все трое молча шагали по дороге, прислушиваясь к шелесту деревьев и к собственным сердитым шагам. Мальчик задушил в них всякое желание разговаривать.

Теперь все трое были охвачены раздражением и злобой. Эдгар, мстя за предательство, упивался их бессильным гневом и в то же время с нетерпением и ненавистью ждал, когда этот подавляемый гнев вырвется наружу. Насмешливо прищуренными глазами окидывал он сердитое лицо барона. Он замечал, что барон бранится сквозь зубы и едва удерживается, чтобы не обрушить на него поток ругательств, и с злорадством наблюдал за все усиливающейся яростью матери; оба они явно жаждали предлога наброситься на него, устранить его или обезвредить. Но он не подавал ни малейшего повода. Его ненависть, взлелеянная долгими часами, научила его расчету, и он не делал ошибок.

– Давайте вернемся, – вдруг сказала его мать. Она чувствовала, что дольше не выдержит, что она должна что-то сделать – хотя бы закричать под этой пыткой.

– Как жалко, – спокойно проговорил Эдгар, – здесь так хорошо.

Оба они понимали, что мальчик издевается над ними. Но они не решились ничего сказать, так безукоризненно этот маленький тиран за два дня научился владеть собой. Ни один мускул на его лице не выдал злой иронии. Не проронив ни слова за весь длинный путь, они повернули обратно. Когда мать с сыном остались одни в ее комнате, она все еще не могла успокоиться. По тому, как сердито она бросила зонтик и перчатки, Эдгар сразу заметил, что она до крайности раздражена и только ищет, на чем сорвать гнев; но он добивался взрыва и нарочно не уходил, чтобы еще больше разозлить ее. Она прошлась взад и вперед по комнате, села, побарабанила пальцами по столу, потом опять вскочила. – Какой ты растрепанный, грязный. Постеснялся бы людей! Ведь ты уже не маленький! – Не возразив ни слова, мальчик подошел к зеркалу и причесался. Это молчание, это упрямое, холодное молчание с издевательской усмешкой на губах приводило ее в бешенство. Больше всего ей хотелось высечь его. – Иди в свою комнату! – вне себя крикнула она, не в силах больше выносить его присутствие. Эдгар улыбнулся и вышел.

Как они оба дрожали теперь перед ним, как они, барон и его мать, боялись остаться с ним втроем, как страшились его цепкого, беспощадного взгляда! Чем хуже им приходилось, тем большее удовлетворение светилось в его глазах, тем откровенней становилась его радость. Эдгар мучил их, наслаждаясь их смутением, с почти бессознательной жестокостью ребенка. Барон еще сдерживал свой гнев, надеясь, что ему удастся перехитрить мальчика, и думал только о своей цели. Но мать Эдгара то и дело теряла самообладание. Для нее было облегчением прикрикнуть на него. – Не играй вилкой! – шипела она на него за столом. – Ты вести себя не умеешь, тебя нельзя сажать со взрослыми. – Эдгар только улыбался, слегка склонив голову набок. Он знал, что она делает это с отчаяния, и гордился тем, что они постоянно выдают себя. Его взгляд был теперь совершенно спокоен, как взгляд врача. Раньше он, наверное, говорил бы дерзости, чтобы досадить матери, но ненависть быстро научает многому. Теперь он только молчал, молчал и молчал, – пока она не начинала стонать под гнетом его молчания.

Она больше не могла сдерживаться. Когда они вышли из-за стола и Эдгар все с той же упорной навязчивостью собрался следовать за ними, ее взорвало. Она забыла всякую осторожность и бросила ему в лицо всю правду. Не в силах больше терпеть его неотступное выслеживание, она встала на дыбы, как измученная мухами лошадь. – Что ты все бегаешь за мной, как трехлетний ребенок? Я не желаю, чтобы ты все время мозолил мне глаза. Детям не место среди взрослых. Запомни это! Займись один чем-нибудь хоть на час. Читай или делай, что хочешь. Оставь меня в покое! Ты мне надоел своим приставанием и капризами.

Наконец-то он вырвал у нее признание! Эдгар улыбнулся, а барон и его мать казались смущенными. Она отвернулась и хотела уйти, злясь на себя, что не сумела скрыть от сына свою досаду. Но Эдгар невозмутимо ответил: – Папа не хочет, чтобы я оставался один. Папа взял с меня слово, что я буду все время с тобой.

Он напирал на слово «папа», потому что уже раз заметил, что упоминание об отце действует на них угнетающе. Значит, и отец как-то замешан в этой тайне; по-видимому, папа имеет над ними какую-то тайную, непонятную власть, если они пугаются одного его имени. И на этот раз они опять ничего не ответили. Они сложили оружие. Мать пошла вперед, барон рядом с ней. Эдгар шел за ними, но не смиренно, как слуга, а сурово и строго, как неумолимый страж. Он звенел незримой цепью, которую они тщетно пытались

разорвать. Ненависть закалила его детские силы; не посвященный в тайну, он был сильнее тех, кому она связывала руки.

Лжецы

Но времени оставалось в обрез. Отпуск барона приходил к концу, и надо было торопиться. Они понимали, что сломить ожесточенное упорство мальчика невозможно, и решились на последнее, самое постыдное средство, чтобы хоть на час, на два избавиться от его деспотического надзора.

– Сдай эти заказные письма на почту, – сказала мать Эдгару. Они стояли в вестибюле, барон у подъезда нанимал фиакр.

Эдгар с недоверием взял письма; незадолго до того он заметил, что один из слуг что-то говорил матери. Уж не затевают ли они что-нибудь против него? Он медлил.

– Где ты будешь меня ждать?

– Здесь.

– Наверное?

– Да.

– Только не уходи! Значит, ты будешь ждать меня здесь, в вестибюле, пока я не вернусь?

В сознании своего превосходства он уже говорил с матерью повелительным тоном. Много изменилось с позавчерашнего дня.

Он отправился с письмами на почту. В дверях он столкнулся с бароном и в первый раз за последние два дня заговорил с ним:

– Я только сдам эти два письма. Мама будет ждать меня. Пожалуйста, без меня не уходите.

Барон быстро прошмыгнул мимо.

– Да, да, мы подождем.

Эдгар бегом побежал на почту. Ему пришлось ждать: какой-то господин, стоявший перед ним, задавал десятки скучных вопросов. Наконец, он исполнил поручение и, зажав квитанции в руке, помчался обратно. Он поспел как раз вовремя, чтобы увидеть, как барон и его мать отъезжали от гостиницы.

Эдгар пришел в бешенство. Он чуть было не схватил камень, чтобы швырнуть им вслед. Улизнули-таки от него! И как подло, как низко они ввали! Он уже знал со вчерашнего дня, что его мать лжет. Но что она могла с таким бесстыдством нарушить данное ею обещание, убило в нем последние остатки доверия к ней. Он перестал понимать жизнь с тех пор, как увидел, что слова, за которыми он до сих пор предполагал действительность, лопаются, точно мыльные пузыри. Но что это за страшная тайна, которая доводит взрослых до того, что они лгут ему, ребенку, и убегают, словно воры? В книгах, которые он читал, люди убивали и обманывали, чтобы добыть деньги, или могущество, или царство. А тут какая причина? Чего они хотят, почему они прячутся от

него, что пытаются скрыть непрерывной ложью? Он ломал голову над этой загадкой, смутно чувствуя, что их тайна – ключ к замку его детства; овладеть им – значит стать взрослым, стать, наконец, мужчиной. Ах, только бы узнать ее! Но думать он не мог. Его душил гнев, что они ускользнули от него, и мысли путались, словно он был в бреду.

Он побежал к лесу и там, в спасительном сумраке, где его никто не видел, дал волю слезам. – Лжецы, собаки, обманщики, подлецы! – Ему казалось, что, не выкрикнув эти слова, они задушат его. Гнев, нетерпение, досада, любопытство, беспомощность и обиды последних дней, подавляемые незрелой волей ребенка, возмнившего себя взрослым, вырвались наружу и излились слезами. Это были последние слезы его детства, в последний раз он плакал навзрыд, как плачут женщины, с наслаждением и страстью. Он выплакал в этот час неистового гнева и доверчивость, и любовь, и простодушное уважение – все свое детство.

Мальчик, вернувшийся в гостиницу, был уже не тот, который плакал в лесу. Он не волновался и действовал обдуманно. Прежде всего он пошел к себе в комнату и тщательно вымыл лицо и глаза, не желая доставить им удовольствие видеть следы его слез. Затем он разработал план, как свести с ними счеты. Он ждал терпеливо, с полным спокойствием.

В вестибюле было довольнолюдно, когда коляска с беглецами остановилась у подъезда. Несколько мужчин играли в шахматы, другие читали газеты, дамы болтали. Тут же, не шевелясь, сидел бледный мальчик с вздрагивающими веками. Когда его мать и барон вошли и, несколько смущенные тем, что сразу наткнулись на него, уже собрались пробормотать приготовленную отговорку, он спокойно пошел им навстречу и сказал вызывающим тоном: – Господин барон, мне надо кое-что сказать вам.

Барон явно растерялся. Он чувствовал себя в чем-то изобличенным.

– Хорошо, хорошо... после, подожди.

Но Эдгар, повысив голос, сказал внятно и отчетливо, так, чтобы все кругом могли слышать: – Я хочу поговорить с вами сейчас. Вы поступили подло. Вы мне солгали. Вы знали, что мама ждет меня, и вы...

– Эдгар! – крикнула его мать, заметив, что все взоры обращены на нее, и бросилась к сыну.

Но мальчик, видя, что мать хочет заглушить его слова, вдруг пронзительно прокричал: – Я повторяю вам еще раз: вы нагло солгали, и это низко, это подло!

Барон побледнел. Все смотрели на них, кое-кто засмеялся.

Мать схватила дрожавшего от волнения мальчика за руку: – Сейчас же иди к себе, или я поколочу тебя здесь, при всех! – прохрипела она.

Но Эдгар уже успокоился. Он жалел о своей вспышке и был недоволен собой: он хотел говорить с бароном спокойно, но гнев оказался сильнее его воли. Не торопясь, он направился к лестнице.

– Простите, барон, его дерзкую выходку. Вы ведь знаете, какой он нервный, – пробормотала его мать, смущенная насмешливыми взглядами присутствующих. Больше всего на свете она боялась скандала и сейчас думала только о том, как бы соблюсти приличия. Вместо того, чтобы сразу уйти, она подошла к портье, спросила, нет ли писем и

еще о каких-то пустяках и только после этого, шурша платьем, поднялась вверх, как будто ничего не случилось. Но за ее спиной слышался шепот и сдержанный смех.

На лестнице она замедлила шаги. Она всегда терялась в серьезные моменты и в глубине души боялась предстоящего объяснения. Вины своей она отрицать не могла, и, кроме того, ее пугал взгляд мальчика – этот новый, чужой, такой странный взгляд, перед которым она чувствовала себя бессильной. Из страха она решила действовать лаской, ибо знала, что в случае борьбы озлобленный мальчик оказался бы победителем.

Она тихо открыла дверь. Эдгар сидел спокойный и невозмутимый. В глазах, обращенных на нее, не было страха, не было даже любопытства. Он казался очень уверенным в себе.

– Эдгар, – начала она матерински нежно, – что тебе пришло в голову? Мне стыдно за тебя. Как можно быть таким невоспитанным! Ты еще мальчик и так разговариваешь со взрослыми! Ты должен сейчас же извиниться перед бароном.

Эдгар смотрел в окно. Его «нет» было как будто обращено к деревьям.

Его самоуверенность поразила ее.

– Эдгар, что с тобой? Отчего ты так переменялся? Я просто не узнаю тебя. Ты был всегда умным, послушным мальчиком, с тобой всегда можно было договориться. И вдруг ты ведешь себя так, будто бес в тебя вселился. Что ты имеешь против барона? Ты ведь очень любил его. Он был всегда так мил с тобой.

– Да, потому что он хотел познакомиться с тобой.

Она смутилась. – Вздор! Что ты выдумываешь? Откуда у тебя такие глупые мысли?

Мальчик вспыхнул:

– Он лгун, он фальшивый человек. Во всем, что он делает, только подлый расчет. Он хотел с тобой познакомиться, потому он подружился со мной и обещал мне собаку. Не знаю, что он обещал тебе и почему он с тобой дружит, но и от тебя он чего-то хочет. Верно, верно, мама. А то он бы не был так вежлив и любезен. Он плохой человек. Он врет. Посмотри на него хорошенько. Какой лживый у него взгляд! Ненавижу его, он лгун, он негодяй...

– Эдгар, можно ли так говорить! – Она смешалась и не знала, что ответить. Совесть ей подсказывала, что мальчик прав.

– Да, он негодяй, в этом я уверен. Разве ты сама не видишь? Почему он боится меня? Почему прячется от меня? Потому что знает, что я вижу его насквозь, что я раскусил его, негодяя!

– Как можно так говорить, как можно так говорить! – Мысль ее не работала, бескровные губы машинально повторяли одни и те же слова. Ей вдруг стало нестерпимо страшно, и она не знала, кого она боится – барона или мальчика.

Эдгар понял, что его предостережение подействовало на мать. И ему захотелось переманить ее на свою сторону, приобрести союзника в этой вражде, в этой ненависти к барону. Он подошел к матери, приласкался к ней и заговорил дрожащим от волнения голосом:

– Мама, ты же сама, наверно, заметила, что он задумал что-то нехорошее. Из-за него ты стала совсем другая. Это ты переменялась, а не я. Он хочет быть вдвоем с тобой и сделал так, что ты на меня сердисься. Вот увидишь, он обманет тебя. Я не знаю, что он тебе обещал. Я знаю только, что он не сдержит слова. Остерегайся его! Кто раз обманул, опять обманет. Он злой человек, ему нельзя доверять.

Этот голос, жалобный, почти плачущий, исходил, казалось, из ее сердца. Со вчерашнего дня она испытывала какое-то тягостное чувство, говорившее ей то же самое – все настойчивей и настойчивей. Но ей было стыдно получить урок от собственного сына, и, как это часто бывает, чтобы скрыть свое волнение и замешательство, она проявила излишнюю резкость.

– Ты еще слишком мал, чтобы это понять. Дети не должны вмешиваться в такие дела. Ты должен вести себя прилично. Вот и все.

Лицо Эдгара снова приняло ледяное выражение. – Как хочешь, – сказал он сухо, – я предостерег тебя.

– Значит, ты не извинишься?

– Нет.

Они непримиримо стояли друг против друга. Мать поняла, что решается вопрос об ее авторитете.

– В таком случае ты будешь обедать здесь. Один. И ты не сядешь с нами за стол, пока не извинишься. Я тебя выучу, как надо вести себя. Ты не выйдешь из комнаты, пока я не позволю. Понял?

Эдгар улыбнулся. Эта коварная улыбка как будто уже приросла к его губам. В душе он сердился на себя. Как глупо, что он опять дал волю своим чувствам и захотел предостеречь эту лгуню!

Мать вышла из комнаты, не оглянувшись на него. Она боялась этих колючих глаз. Ей было тяжело с сыном с тех пор, как она заметила, что взгляд у него зоркий, и еще потому, что он говорил ей именно то, чего она не желала слышать, не желала знать. Страшно было видеть, как ее внутренний голос, голос совести, отделившись от нее, в образе ребенка, ее собственного ребенка, не дает ей покоя, предостерегает ее, издевается над ней. До сих пор этот ребенок был придатком к ее жизни, украшением, игрушкой, чем-то милым и близким, иногда, быть может, обузой, но все же жизнь его протекала в одном русле и в лад с ее жизнью. Сегодня впервые он восстал против нее и отказался подчиниться ее воле. Что-то похожее на ненависть примешивалось теперь к мысли о ребенке.

И все же, когда она, слегка утомленная, спускалась с лестницы, детский голос настойчиво звучал в ее душе. «Остерегайся его!» Этим слов нельзя было заглушить. Но вот перед ней блеснуло зеркало: она испытующе посмотрела в него, потом стала вглядываться – все пристальней, все упорней, – пока в нем не отразились чуть улыбающиеся губы, округленные, словно готовые произнести опасное слово. Внутренний голос не умолкал, но она передернула плечами, как будто стряхивая с себя незримый груз сомнений, бросила в зеркало довольный взгляд и, подобрав платье, спустилась вниз с решительным видом игрока, со звоном кидającego на стол последний золотой.

Следы в лунном свете

Кельнер, принесший обед арестованному в своей комнате Эдгару, запер дверь. Замок щелкнул за ним. Мальчик вскочил в бешенстве: это было сделано, конечно, по распоряжению матери; его заперли в клетке, как дикого зверя. Мрачные мысли овладели им.

«Что они делают, пока я сижу здесь взаперти? О чем они сговариваются? Вдруг сейчас происходит то таинственное дело, а я упущу его. Что это за тайна, которая чудится мне всегда и повсюду, когда я среди взрослых, почему они запираются от меня по ночам, почему говорят шепотом, если я случайно захожу в комнату? Вот уже несколько дней она так близка от меня, сама дается в руки, а я все-таки не могу схватить ее! Чего только я не делал, чтобы раскрыть эту тайну! Я стащил книги у папы из письменного стола, я читал про все эти удивительные вещи, но ничего не понял. Должно быть, есть какая-то печать, которую надо сорвать, чтобы понять все это, – может быть, во мне самом, может быть, в других. Я спрашивал горничную, просил ее объяснить мне эти места в книгах, но она только посмеялась надо мной. Как ужасно быть ребенком, полным любопытства, и не сметь никого спросить, быть смешным в глазах взрослых, казаться глупым и ненужным. Но я узнаю, я чувствую – скоро я буду знать все. Часть этой тайны уже в моих руках, и я не успокоюсь, пока не буду знать всего».

Он прислушался, не идет ли кто-нибудь. Легкий ветерок раскачивал ветви деревьев за окном, дробя зеркало лунного света на сотни зыбких осколков.

«Ничего хорошего не может быть у них на уме, иначе они не стали бы так подло лгать, чтобы отделаться от меня. Наверное, они теперь смеются надо мной, проклятые, но последним буду смеяться я. Как глупо, что я позволил запереть себя здесь, дал им свободу хоть на секунду, вместо того, чтобы прилипнуть к ним и следить за каждым их движением! Я знаю, взрослые вообще очень неосторожны, и они тоже выдадут себя. Они всегда думают, что дети еще совсем маленькие и вечером крепко спят. Они забывают, что можно притвориться спящим и подслушивать, что можно представиться глупым, а быть очень умным. Недавно, когда у тети родился ребенок, они это знали наперед, а при мне прикинулись, что очень удивлены. Но я тоже знал, потому что давно слышал их разговор, вечером, когда они думали, что я сплю. И на этот раз я опять поймаю их, подлецов. Если бы только я мог подглядеть за ними в щелку, понаблюдать за ними сейчас, пока они чувствуют себя в безопасности! Не позвонить ли мне? Придет горничная, откроет дверь и спросит, что мне нужно. Или поднять шум, бить посуду – тогда тоже откроют. И в ту же минуту я бы мог выскочить и подкараулить их. Нет, так я не хочу. Пусть никто не видит, как подло они со мной обращаются. Я слишком горд для этого. Завтра я им отплачу».

Внизу раздался женский смех. Эдгар вздрогнул: уж не его ли это мать? Как же ей не смеяться, не глумиться над ним, беспомощным, маленьким ребенком, которого запирают на ключ, когда он мешает, кидают в угол, как узел мокрого платья. Он осторожно выглянул в окно. Нет, это не она, – это чужие веселые девушки поддразнивают парня.

Тут он заметил, как невысоко от земли его окно. И сейчас же сама собой явилась мысль выпрыгнуть, застать их врасплох, выследить их. Он весь дрожал от радости. Ему казалось, что великая, захватывающая тайна уже у него в руках. «Скорей, скорей!»

Бояться нечего. Никого нет под окном. Он прыгнул, раздался легкий хруст гравия, которого никто не услышал.

Подкрадываться, подслушивать – за последние два дня стало для него блаженством. И сейчас он испытывал наслаждение, смешанное со страхом, когда, крадучись, неслышными шагами, обходил гостиницу кругом, тщательно избегая полосы света, падающего из окон. Прежде всего, осторожно прижав лицо к стеклу, он заглянул в столовую. За их столом не было никого. Он продолжал поиски, переходя от окна к окну. Войти в гостиницу он не решался, из опасения столкнуться с ними в коридоре. Нигде их не было видно. Он уже начал отчаиваться, как вдруг из дверей протянулись две тени; он отскочил и спрятался в темноте: из гостиницы вышла его мать со своим неизменным спутником. Значит, он пришел как раз вовремя! О чем они говорят? Он не мог расслышать. Они говорили тихо, и ветер слишком громко шелестел в деревьях. Но вот совершенно отчетливо до него донесся голос матери. Она смеялась, – такого смеха у нее он не слышал: слишком резкий, точно от щекотки, нервный, он удивил и напугал его. Но она смеется, значит нет ничего необыкновенного, ничего страшного в том, что от него скрывают. Эдгар был несколько разочарован.

Но почему они ушли из гостиницы? Куда они идут теперь, вдвоем, среди ночи? Там, вверху, ветры, должно быть, носятся на гигантских крыльях, потому что небо, только что чистое, залитое луной, потемнело. Черные покрывала, брошенные невидимыми руками, окутывали временами луну, и мрак становился столь непроницаемым, что не видно было дороги, пока она снова не озарялась лунным сиянием. Серебристый свет изливался вокруг. Таинственна была эта игра света и тени и увлекательна, как игра женщины, то открывающей, то прячущей наготу. В ту минуту, когда ландшафт сбросил с себя покровы, Эдгар увидел два удаляющихся силуэта, вернее один силуэт – они так тесно прижимались друг к другу, словно обоих охватил тайный страх. Но куда же они идут? Сосны стонали, какое-то смятение царило в лесу, как будто по нему пронеслась бешеная охота. «Я пойду за ними, – подумал Эдгар, – они не услышат моих шагов за шумом ветра и леса». И, пока они шли внизу по широкой, светлой дороге, он неслышно пробирался над ними в чаще, от дерева к дереву, от тени к тени. Он следовал за ними упорно и неумолимо, благословляя ветер за то, что он заглушал его шаги, и проклиная его за то, что он уносил слова, которыми обменивались те двое. Только бы один раз услышать их разговор, и он, конечно, узнал бы тайну.

А они шли по дороге, ничего не подозревая. Им было хорошо вдвоем в этом просторе бурной ночи, и они беззаботно отдавались поглощавшему их волнению. Ничто не подсказывало им, что над ними во мраке леса кто-то следит за каждым их шагом и два глаза прикованы к ним со всей силой ненависти и любопытства.

Вдруг они остановились. Остановился и Эдгар, плотно прижавшись к стволу. Им овладел панический страх. Что, если они повернут обратно и раньше него придут в гостиницу, если он не успеет скрыться в свою комнату и мать найдет ее пустой? Тогда все погибло. Они узнают, что он за ними следил, и уже не останется никакой надежды вырвать у них тайну. Но они медлили, по-видимому о чем-то споря. К счастью, показалась луна, и ему все было видно. Барон указывал на темную узкую тропинку, ведущую в долину, где лунный свет не разливался, как здесь, на дороге, широким потоком, а лишь каплями и редкими лучами пробивался сквозь чашу. «Зачем ему туда?» – изумился Эдгар. Его мать, как видно, отказывалась, а он уговаривал ее. Эдгар понял по его жестам, что он очень настаивает. Мальчик испугался. Чего он хочет от его матери? Зачем этот негодяй

заманивает ее в темный лес? Из книг, которые заменяли ему действительность, ему вспомнились картины убийств, похищений, тайных злодеяний. Он, наверное, хочет ее убить и для этого, избавившись от него, завлек ее сюда одну. Звать на помощь? Убийца! Крик уже был готов вырваться из горла, но губы пересохли, и он не мог издать ни звука. Он трясся от страха, колени подгибались; он судорожно искал опоры, и тут под его руками хрустнула ветка.

Они вздрогнули и, обернувшись, испуганно уставились в темноту. Эдгар стоял молча, не дыша; маленькая фигурка глубоко ушла в тень дерева. Все опять застыло в мертвой тишине, но они казались встревоженными. «Вернемся», – услышал он голос матери, в нем звучал испуг. Барон, очевидно, сам обеспокоенный, согласился. Они пошли обратно медленным шагом, тесно прижавшись друг к другу. Их замешательство спасло Эдгара. Он пополз на четвереньках между деревьями, в кровь обдирая руки. Добравшись до поворота, он бросился бежать изо всех сил, так что дух захватывало; добежав до гостиницы, он в несколько прыжков очутился наверху. Ключ от его комнаты, к счастью, торчал снаружи, он повернул его, открыл дверь и бросился на постель. Хотя несколько минут он должен был отдохнуть; сердце бешено билось в груди, точно язык раскачиваемого колокола.

Потом он решил встать и подошел к окну, в ожидании их возвращения. Ждать пришлось долго. Они, должно быть, шли очень, очень медленно. Он осторожно выглянул из затененной рамы окна. Вот они медленно приближаются, их одежда залита лунным светом. В этом зеленоватом свете они кажутся призраками; мальчика охватывает сладостная жуть: может быть, это в самом деле убийца, и тогда – какому страшному делу он помешал! Ясно видны их белые, как мед, лица. В лице его матери незнакомое ему выражение восторга, барон, напротив, сердитый и злой. Наверно, потому, что его намерение не удалось.

Они подошли уже совсем близко. Лишь перед самой гостиницей их фигуры разъединились. Взглянут ли они вверх? Нет, никто не взглянул. «Вы обо мне забыли, – подумал мальчик с горькой обидой и с тайным торжеством, – но я о вас не забыл. Вы думаете, что я сплю или что меня нет на свете, но вы убедитесь в своей ошибке. Я буду подстерегать каждый ваш шаг, пока не вырву у этого негодяя тайну, ужасную тайну, которая не дает мне спать. Я разорву ваш союз. Я не сплю».

Медленно вошли они в дверь. И, когда они проходили один за другим, их силуэты на мгновение снова слились – одна черная тень скользнула в освещенную дверь. Потом площадка перед домом снова забелела в лунном свете, как широкий луг, покрытый снегом.

Нападение

Эдгар, задыхаясь, отошел от окна. Он дрожал как в лихорадке. Ни разу в жизни не стоял он так близко к таинственному приключению. Волнующий мир неожиданных и бурных событий, мир убийств и измен, знакомый ему из книг, всегда оставался для него в царстве сказок, в близком соседстве с царством снов, – чем-то несуществующим и недостижимым. Теперь же он, видимо, очутился в этом страшном мире, и эта мысль потрясла его до глубины души. Кто этот таинственный незнакомец, так внезапно вторгшийся в их спокойную жизнь? Настоящий ли убийца? Недаром он все искал

уединения и старался заманить его мать в темноту. Страшная опасность грозит им. Что же делать? Завтра он непременно напишет отцу или пошлет телеграмму. Но не будет ли поздно? А вдруг это случится сегодня ночью? Ведь мамы еще нет в комнате; она все еще с этим ненавистным чужим человеком.

Между внутренней и тонкой наружной дверью был промежуток не шире платяного шкафа. Втиснувшись в этот темный закуток, мальчик прислушивался к шагам в коридоре. Он решил ни на минуту не оставлять свою мать одну. Была уже полночь, в пустынном коридоре горела одна-единственная лампочка.

Наконец – минуты тянулись для него бесконечно – он услышал осторожные шаги. Он напряженно вслушивался. Это были не быстрые, твердые шаги человека, направляющегося прямо к себе в комнату, а медленные, нерешительные, словно кто-то с невероятными усилиями преодолевал крутой подъем. Время от времени шаги останавливались, и слышался шепот. Эдгар дрожал от волнения. Может быть, это они? Неужели она все еще с ним? Шепот был слишком далеко. Но шаги, хоть и медленно, приближались. И вдруг он услышал, как ненавистный голос барона тихо и хрипло что-то сказал – Эдгар не разобрал слов, – и тотчас, словно стон, раздался испуганный голос его матери: – Нет, нет! не сегодня! Нет!

Эдгар замер: они приближаются, сейчас он все услышит. Каждый, едва уловимый шаг отзывался болью в его груди. И этот голос – каким гнусным казался он ему, этот жадно домогающийся голос его врага! – Не будьте жестоки. Вы были так прекрасны сегодня. – И снова голос матери: – Нет, этого нельзя, я не могу, оставьте меня.

В ее голосе столько тревоги, что мальчик пугается. Чего он хочет от нее? Чего она боится? Они уже совсем близко, сейчас они подойдут к его двери. Он стоит за ней, дрожащий и невидимый, на расстоянии ладони от них, скрытый только тонкой доской двери. Шепот их звучит над самым его ухом.

– Идемте, Матильда, идемте! – И снова стон матери, но уже тише – стон почти сломленного сопротивления.

Но что это? Они идут дальше! Его мать прошла мимо своей комнаты! Куда он ее тащит? Почему она больше ничего не говорит? Не заткнул ли он ей рот? Может быть, он ее душит?

Эта мысль сводит его с ума. Дрожащей рукой он приоткрывает дверь. Он видит обоих в полутемном коридоре. Барон обнял его мать за талию и тихо уводит ее; она, по-видимому, уступает ему. Вот он останавливается перед своей комнатой. «Он хочет затаскать ее туда, – в страхе думает мальчик, – сейчас случится самое ужасное».

Одним толчком он распахивает дверь, выбегает в коридор, бросается за ними вслед. Увидев, как что-то мчится на нее из темноты, его мать вскрикивает, она едва не падает без чувств, барон подхватывает ее. Но в ту же секунду барон чувствует, как маленький, слабый кулак бьет его по губам и какое-то существо, точно разъяренная кошка, вцепляется в него. Он выпускает из своих объятий испуганную женщину, та быстро убегает, и барон, еще не зная, с кем он дерется, отвечает ударом на удар.

Мальчик знает, что он слабее противника, но не уступает. Наконец-то настал долгожданный час расплаты за измену, наконец-то он может излить всю накопившуюся ненависть. Стиснув зубы, не помня себя, он в исступлении бьет кулаками куда попало.

Теперь и барон узнал его, и в нем кипит ненависть к этому тайному соглядатаю, который отравил ему последние дни и испортил игру; он безжалостно возвращает удары. Эдгар вскрикивает, но не сдается и не зовет на помощь. С минуту они дерутся, озлобленно и безмолвно, в темноте коридора. Наконец, до сознания барона доходит вся нелепость его драки с мальчишкой; он хватается за плечо, чтобы отшвырнуть от себя. Но Эдгар, чувствуя, что его силы на исходе, зная, что он сию минуту будет побежден и избит, в ярости впивается зубами в крепкую, твердую руку, которая хочет схватить его за шиворот. Враг невольно вскрикивает и выпускает мальчика; в то же мгновение Эдгар бросается в свою комнату и запирает дверь на задвижку.

Всего минутой длилась эта полуночная битва. Никто в коридоре ничего не заметил. Все тихо, все погружено в сон. Барон вытирает окровавленную руку платком и беспокойно глядит в темноту. Нет, никто не слышал. Только сверху – точно издеваясь – мерцает последний неверный огонек.

Гроза

«Что это было – сон? Дурной, страшный сон?» – спрашивал себя на другое утро Эдгар, очнувшись весь в поту от ночных кошмаров. Руки и ноги онемели. В висках глухо стучало, и, посмотрев на себя, он с испугом обнаружил, что спал не раздеваясь. Он вскочил, подошел к зеркалу и отшатнулся, увидев свое бледное, искаженное лицо с кровоподтеком на лбу. Собравшись с мыслями, он с ужасом вспомнил ночную битву в коридоре, вспомнил, как весь дрожа вбежал в комнату и бросился одетый на постель. Тут он, должно быть, заснул – забылся тяжелым, тревожным сном и еще раз пережил все, но по-иному, еще страшнее, вдыхая влажный запах свежей, струящейся крови.

Снизу доносился хруст гравия под ногами. Голоса взлетали словно незримые птицы, солнце протягивало свои лучи вглубь комнаты. Должно быть, было уже позднее утро, но, взглянув на часы, он увидел, что стрелка показывает полночь. Он забыл их завести вчера, и от этой неопределенности, от ощущения, что он повис где-то во времени, его охватила тревога, еще усугубленная неизвестностью; он плохо понимал, что в сущности случилось. Он торопливо привел себя в порядок и спустился вниз со смутным чувством вины и беспокойства в душе.

В столовой, на обычном месте, мать его сидела одна. Эдгар вздохнул свободно, увидев, что его врага нет, что ему не придется смотреть в это ненавистное лицо, по которому он вчера ударил кулаком. Все же он несколько неуверенно подошел к столу.

– С добрым утром, – поздоровался он.

Мать не ответила. Она даже не посмотрела на него; ее взгляд с каким-то странным упорством был устремлен на окно. Она была очень бледна, под глазами легли синие тени, ноздри часто вздрагивали, как всегда, когда она нервничала. Эдгар кусал губы. Это молчание смущало его. Может быть, он сильно поранил барона? Знает ли она вообще о ночном столкновении? Неизвестность мучила его. Но ее лицо было так неподвижно, что он даже не осмеливался смотреть на нее от страха, что опущенные сейчас глаза вдруг вскинутся и вопьются в него. Он сидел очень тихо, стараясь не производить ни малейшего шума. Осторожно подымал чашку и ставил ее на блюдце, украдкой косясь на пальцы матери, игравшие ложечкой: их беспокойные движения выдавали сдерживаемый гнев. Так

он просидел четверть часа в мучительном ожидании. Мать не проронила ни единого слова. И теперь, когда она поднялась, все еще не замечая его присутствия, он не знал, что ему делать – оставаться одному за столом или идти за ней. В конце концов он встал и покорно пошел за матерью, которая по-прежнему не обращала на него внимания; чувствуя, что смешно плестись за ней, он замедлил шаги и понемногу отстал. Не взглянув на него, она прошла в свою комнату. Когда Эдгар поднялся наверх, он очутился перед запертой дверью.

Что случилось? Он ничего не понимал. Вчерашняя уверенность покинула его. Может быть, он был не прав вчера, когда напал на барона? И что они ему готовят: наказание, новое унижение? Что-то должно случиться – что-то ужасное, неминуемое. Он чувствовал давящую предгрозовую тяжесть, напряжение двух электрических полюсов, которое должно было разрядиться молнией. И это бремя предчувствий он влачил в продолжение четырех одиноких часов, до самого обеда, бродя из комнаты в комнату, пока его узкие, детские плечи не согнулись под незримым грузом; за стол он сел, уже готовый покориться.

– Добрый день, – снова сказал он, чтобы разорвать это молчание – зловещее молчание, нависшее над ним черной тучей.

Ответа опять не последовало; мать опять смотрела мимо него. И с новым испугом Эдгар увидел себя лицом к лицу с обдуманной, сосредоточенной злобой, какой он еще не знал в своей жизни. До сих пор вспышки гнева у его матери вызывались главным образом нервным раздражением и быстро разрешались снисходительной улыбкой. Но на этот раз он, видимо, возбудил в ней неистовую ярость, вырвавшуюся из сокровенных глубин ее существа, и он сам испугался этой неосторожно пробужденной силы. Он почти не дотронулся до еды. Ком стоял у него в горле, грозя задушить его. Но мать словно ничего не замечала. Только вставая из-за стола, она обернулась как будто случайно и сказала:

– Приходи наверх, Эдгар, мне надо с тобой поговорить.

Эти слова не прозвучали угрозой, но в них было столько ледяного холода, что Эдгара пробрала дрожь, словно ему надели на шею железную цепь. Его сопротивление было сломлено. Молча, как побитая собака, пошел он за матерью наверх.

Она продлила его муки, помолчав еще несколько минут. Он слышал бой часов, смех ребенка во дворе и громкий стук своего сердца. Но и она, видимо, не была уверена в себе: она заговорила, не глядя на него, повернувшись к нему спиной.

– Я не буду говорить о твоём вчерашнем поведении. Это было неслыханно, и мне стыдно вспоминать о нём. За последствия пеняй на себя. Но только знай – в последний раз ты был один среди взрослых. Я только что написала твоему отцу, что тебе нужен воспитатель или придется отдать тебя в пансион, чтобы ты научился прилично вести себя. Я больше не хочу мучиться с тобой.

Эдгар стоял, опустив голову. Он чувствовал, что это только введение, угроза, и с тревогой ждал самого главного.

– А сейчас ты извинишься перед бароном.

Эдгар встрепенулся, но она не дала ему перебить себя.

– Барон сегодня уехал, и ты напишешь ему письмо, которое я тебе продиктую.

Эдгар хотел возразить, но мать была непреклонна:

– Без разговоров. Вот бумага и перо. Садись.

Эдгар поднял глаза. Ее взгляд выражал непоколебимую решимость. Такой он никогда еще не видел свою мать – такой суровой и спокойной. Ему стало страшно. Он сел, взял перо и низко нагнул голову над столом.

– Сверху число. Написал? Перед обращением пропусти строку. Так. Глубокоуважаемый барон! Восклицательный знак. Опять пропусти строку. Я только что с сожалением узнал, – написал? – с сожалением узнал, что вы уже покинули Земмеринг, – Земмеринг с двумя «м», – и я вынужден сделать письменно то, что хотел сделать лично, а именно, – пиши поскорее, каллиграфии не требуется! – извиниться перед вами за свое вчерашнее поведение. Как вы, вероятно, знаете со слов моей мамы, я еще не оправился после тяжелой болезни и очень раздражителен. Многие представляется мне в преувеличенном виде, и я через минуту раскаиваюсь в том, что...

Согнутая над столом спина выпрямилась. Эдгар обернулся: все его упрямство вернулось к нему.

– Этого я не напишу, это неправда!

– Эдгар!

В ее голосе была угроза.

– Это неправда. Я ничего не сделал, в чем должен раскаиваться. Я не сделал ничего дурного, и мне не за что извиняться. Я только побежал к тебе, когда ты позвала на помощь.

Ее губы побелели, ноздри задрожали.

– Я звала на помощь? Ты с ума сошел!

Эдгар пришел в ярость. Он порывисто вскочил.

– Да, ты звала на помощь, там, в коридоре, вчера ночью, когда он тебя схватил. Ты крикнула: «Оставьте, оставьте меня!» И так громко, что я слышал у себя в комнате.

– Ты лжешь, я не была с бароном здесь, в коридоре. Он меня проводил только до лестницы...

У Эдгара сердце замерло от этой бесстыдной лжи.

Широко открытыми, остекленевшими глазами смотрел он на мать.

– Ты... – сказал он срывающимся голосом, – не была... в коридоре? И он... он тебя не схватил? Не держал насильно?

Она рассмеялась. Сухим, холодным смехом.

– Тебе приснилось.

Это было уже слишком. Правда, он знал теперь, что взрослые лгут, что они прибегают к мелким, ловким уверткам, к прозрачной лжи и хитрым двусмысленностям. Но это наглое, хладнокровное запирательство с глазу на глаз приводило его в бешенство.

– А эта шишка на лбу мне тоже приснилась?

– Откуда я знаю, с кем ты подрался? Но я не намерена с тобой препираться. Ты должен слушаться, и все. Сядь и пиши!

Она была очень бледна и напрягала последние силы, чтобы сохранить самообладание.

Но в Эдгаре словно что-то оборвалось, погасла последняя искра веры. В его голове не укладывалось, что можно так просто растоптать ногами правду, будто горящую спичку. Сердце сдавило точно ледяной рукой, и слова вырвались колючие, злые, глумливые.

– Вот как? Все это мне приснилось? Все, что было в коридоре, и эта шишка? И что вы вчера гуляли вдвоем в лунном свете и что он хотел увести тебя по темной тропинке – и это тоже приснилось? Ты думаешь, меня можно запереть в комнате, как маленького? Нет, я не так глуп, как вы думаете. Что знаю, то знаю.

Он дерзко смотрел ей прямо в глаза; видеть перед собой так близко лицо собственного сына, искаженное ненавистью, оказалось свыше ее сил. Уже не сдерживаясь, она крикнула:

– Марш! Пиши сейчас же. Или...

– Или что?.. – с вызовом спросил он.

– Или я высеку тебя, как маленького ребенка.

Эдгар, насмешливо улыбаясь, сделал шаг к ней. И тут же почувствовал ее руку на своем лице. Эдгар вскрикнул. И, как утопающий, который судорожно бьет руками, ничего не сознавая, кроме глухого шума в ушах и красных кругов перед глазами, он кинулся на нее с кулаками. Он ощутил что-то мягкое, вот ее лицо, услышал крик...

Этот крик вернул ему сознание. Он пришел в себя и понял всю чудовищность своего поступка. Он бил свою мать! Страх овладел им, и стыд, и ужас, неудержимое желание убежать, исчезнуть, провалиться сквозь землю, только бы не встречаться с ней взглядом. Он бросился к двери, сбегал с лестницы, выскочил на улицу – скорей, скорей, будто за ним гналась целая свора собак.

Первые уроки

Добежав до леса, он, наконец, остановился. Он должен был ухватиться за дерево, так сильно дрожали колени от страха и волнения, так хрипло вырывалось дыхание из перетруженной груди. Ужас перед содеянным, неотступно мчавшийся за ним, теперь держал его за горло, сотрясал все тело. Что делать? Куда бежать? Уже здесь, на опушке леса, в каких-нибудь пятнадцати минутах от гостиницы, он чувствовал себя покинутым.

Все казалось иным – неприязненным и враждебным, с тех пор как он остался один и без опоры. Деревья, которые еще вчера по-братски шумели вокруг него, теперь теснились угрюмо и зловеще. А ведь то, что ему предстоит, будет еще во сто крат страшнее и непонятнее. Голова кружилась у мальчика от мысли, что он один в огромном, неведомом мире. Нет, этого ему не вынести, не вынести одному. Но к кому бежать? Отца он боялся:

тот был вспыльчив, неприступен и сейчас же отправит его обратно. Но домой он не пойдет, лучше уж кинуться в чуждый мир, неведомый и опасный; никогда он не посмеет взглянуть в лицо матери, по которому ударил кулаком.

Тогда он вспомнил о бабушке, доброй, милой старушке, которая баловала его с детства и всегда заступалась за него, когда ему грозило наказание или незаслуженная обида. Он укроется у нее в Бадене, пока пройдет первый шквал гнева, оттуда напишет письмо родителям и попросит прощения. За эти четверть часа он уже почувствовал себя до того уничтоженным – от одной мысли, что он, беспомощный мальчик, остался один во всем мире, – что он проклял свою гордость, глупую гордость, которую внушил ему обманувший его чужой человек. Он хотел опять стать ребенком, таким, каким был прежде, послушным, терпеливым, без притязаний, всю нелепость которых он теперь понимал.

Но как добраться до Бадена? Как преодолеть такое расстояние? Он торопливо вытащил маленький кожаный кошелек, который всегда носил с собой. Слава богу, там еще поблескивает новенький золотой в двадцать крон, который ему подарили ко дню рождения. Он все не мог решиться истратить его. Почти каждый день он проверял, лежит ли он на месте, с наслаждением разглядывал его, чувствуя себя богачом, и с благодарной нежностью, старательно тер монету носовым платком, пока она не начинала сверкать, как маленькое солнце. Но хватит ли этих денег? – вдруг с испугом спросил он себя. Так часто ездил он по железной дороге и ни разу не подумал о том, что за это надо платить и сколько это может стоить – одну крону или сто. Впервые он понял, что в жизни есть вещи, о которых он никогда не задумывался, что все окружающие предметы, которые он держал в руках, которыми он играл, имели каждый свою стоимость, свои особый вес. Он, еще час тому назад мнивший себя всезнающим, оказывается, проходил без внимания мимо тысячи тайн и загадок; и он со стыдом признавался себе, что его убогая мудрость споткнулась уже на первой ступени при входе в жизнь. Все сильнее робел он, все короче становились его неуверенные шаги по пути к станции. Как часто он мечтал о таком побеге, мечтал окунуться в жизнь, стать императором или королем, солдатом или поэтом – а теперь он нерешительно смотрел на маленькое светлое здание вокзала и думал только об одном: хватит ли ему двадцати крон, чтобы добраться до бабушки? Рельсы, блестя на солнце, убегали вдаль. Вокзал был пуст. Эдгар робко подошел к кассе и шепотом, чтобы никто не слышал, спросил, сколько стоит билет до Бадена. Удивленное лицо выглянуло из темного окошечка, два глаза улыгнулись из-за очков застенчивому мальчику.

– Целый билет?

– Да, – пролепетал Эдгар без капли гордости, замирая от страха, что целый билет стоит слишком дорого.

– Шесть крон.

– Пожалуйста!

Со вздохом облегчения он просунул в окошко свою столь любимую блестящую монету. Получив сдачу, Эдгар опять почувствовал себя баснословно богатым: в руках коричневый кусок картона – залог свободы, в кармане тихонько позвякивает серебро.

Из расписания он узнал, что поезд должен прибыть через двадцать минут. Эдгар уселся в уголок. На перроне стояло несколько человек, рассеянно поглядывая по сторонам. Но Эдгару казалось, что все смотрят на него и удивляются, что такой

маленький мальчик путешествует один, как будто его преступление и побег были написаны у него на лбу. Он вздохнул свободно, когда, наконец, послышался свисток паровоза и поезд подошел к станции, поезд, который должен был увезти его в мир. Лишь садясь в вагон, он заметил, что у него билет третьего класса. До сих пор он ездил только в первом, и снова он почувствовал, что здесь что-то новое, что есть различия, которых он не замечал. И соседи его оказались не такие, как всегда. Против него сидели итальянцы-рабочие, с заступами и лопатами в жестких руках; они переговаривались хриплыми голосами, и глаза у них были грустные и усталые. Должно быть, они измучились на работе; некоторые, прислонившись к твердой и грязной стенке, крепко спали, несмотря на грохот колес. Они работали, чтобы получить деньги, думал Эдгар, но он понятия не имел, сколько они могли заработать, только чувствовал, что деньги бывают не всегда и что их как-то надо добывать. Впервые он понял, что принимал благосостояние, к которому привык, как нечто должное, тогда как справа и слева от его жизни зияли темные пропасти, куда он никогда не заглядывал. Он вдруг осознал, что на свете много различных профессий и призваний, что его со всех сторон обступали тайны, а он ни разу не потрудился подумать о них. Этот час самостоятельной жизни многому научил Эдгара, многое он увидел из тесного купе с окнами в открытое поле. И в его душе сквозь смутный страх начало пробиваться если еще не счастье, то изумление перед многообразием жизни. Он убежал, как трус, из страха – это сознание не покидало его ни на минуту, – но в первый раз в жизни он действовал самостоятельно, узнал частицу реального мира, мимо которого до сих пор проходил без внимания. Впервые в жизни, быть может, он сам стал для своих родителей такой же тайной, какой для него была действительность. Другими глазами смотрел он теперь в окно. Ему казалось, что он впервые видит подлинную жизнь, точно спало покрывало со всех явлений и обнажилась их сокровенная сущность. Дома пролетали мимо, словно уносимые ветром, и он думал о живущих там людях – богатые они или бедные, счастливые или несчастные. Так же ли они, как и он, жаждут все узнать и есть ли у них дети, которые до сих пор тоже только играли в жизнь, как и он. Железнодорожники, стоявшие на путях с развевающимися флажками, в первый раз не казались ему, как до сих пор, просто куклами, неживыми игрушками, поставленными здесь случайно: он начал понимать, что в этом их судьба, их борьба с жизнью. Все быстрее катились колеса, поезд, извиваясь змеей, спускался в долину, все ниже становились горы, все дальше уходили назад. Вот и равнина. Эдгар еще раз оглянулся – горы уже только призрачно синели, далекие и недостижимые, и ему казалось, что там, где они медленно растворялись в мглистом небе, осталось его детство.

Тревожный мрак

Но когда поезд остановился в Бадене и Эдгар очутился один на перроне, где уже горели фонари и мерцали издали зеленые и красные сигнальные огни, ему вдруг страшно стало надвигающейся ночи. Днем он еще чувствовал себя уверенно; ведь кругом были люди, можно было отдохнуть, сесть на скамейку или постоять перед витриной магазина. Но как это вынести, когда люди попрячутся по домам, где каждого ждет постель, мирная беседа, а затем спокойная ночь, а он, с сознанием своей вины, должен блуждать в одиночестве, всем чужой? О, только бы иметь крышу над головой, не оставаться больше ни одной минуты под чужим открытым небом! – это было его единственным отчетливым желанием.

Он торопливо шагал по хорошо знакомой дороге, не глядя по сторонам, пока не подошел к вилле, где жила его бабушка. Вилла выходила на красивую широкую улицу, но была скрыта от взоров прохожих обвитой хмелем и плющом высокой оградой сада; за этой зеленой стеной ярко белел приветливый старинный дом. Эдгар, словно чужой, посмотрел сквозь решетку ворот. В доме было тихо, окна закрыты; вероятно, все – и хозяева и гости – ушли в глубину сада. Он уже взялся за холодное кольцо и вдруг замер на месте; то, что два часа тому назад представлялось ему таким легким и естественным, теперь казалось невозможным. Как войти, как поздороваться, вынести все вопросы и отвечать на них? Как выдержать их взгляды, когда он скажет, что тайком убежал от матери? И как объяснить свой ужасный поступок, когда он сам теперь не понимает его? В доме хлопнула дверь, и в безрассудном страхе, что кто-нибудь выйдет и увидит его, он бросился бежать, сам не зная куда.

Перед парком он остановился: там было темно и, вероятно, безлюдно. Он посидит на скамейке и, наконец, отдохнет, успокоится и обдумает свою судьбу. Робко вошел он в парк. У входа горело несколько фонарей, в их свете еще редкая молодая листва отливала влажным зеленоватым блеском, но в глубине парка простиралась сплошная, душная, черная чаща, тонувшая в тревожном мраке весенней ночи. Эдгар боязливо скользнул мимо людей, разговаривавших или читавших под фонарями. Ему хотелось побыть одному. Но и там, в густой тени неосвещенных аллей, он не нашел покоя. Все было насыщено таинственным шелестом и шепотом, тихим шумом листьев на ветру, шорохом далеких шагов, приглушенным говором, каким-то страстным, томным, стонущим воркованием, исходившим не то от людей, не то от животных, не то от самой тревожно спавшей природы. Здесь все дышало опасной тревогой, притаившейся, скрытой и загадочной, словно в этом лесу, под землей, шло невидимое брожение; быть может, причиной тому была всего только весна, но одинокий, беспомощный мальчик испытывал страх.

Он весь сжался в углу скамейки в этом бездонном мраке и попытался придумать, что ему рассказать дома. Но мысли ускользали раньше, чем удавалось их поймать; против воли он все прислушивался к приглушенным звукам, к таинственным голосам ночи. Как ужасна эта тьма, как тревожна и все же как непостижимо прекрасна! Люди ли, звери или только призрачная рука ветра вплетает в ночь этот вкрадчивый шелест, этот воркующий рокот? Мальчик напряженно вслушивался. Да, ветер шевелит листву, но здесь и люди – они приходят из освещенного города, вот они идут парами, обнявшись, скрываются в темноте аллей. Зачем они пришли? Они не разговаривают – голосов не слышно, – только гравий хрустит под ногами; иногда в просвете между деревьями мелькнут две тени, тесно прижавшиеся друг к другу, как в тот вечер его мать с бароном. Тайна, великая, сверкающая, роковая тайна была и здесь. Вдруг он услышал приближающиеся шаги, потом прозвучал тихий смех. Эдгар испугался, как бы его не заметили, – он еще глубже прячется в темноту. Но те двое, выходя из непроглядного мрака, не видят его. Вот они поровнялись со скамейкой. Эдгар с облегчением вздыхает, но они останавливаются, прильнув лицом друг к другу. Эдгару плохо видно, он только слышит стон, срывающийся с уст женщины, и страстный, бессвязный шепот мужчины. Какое-то сладостное предчувствие пронизывает испуганного мальчика. Так они стоят с минуту, потом опять хрустит гравий под их замирающими в темноте шагами.

Эдгар вздрогнул, кровь быстрее и жарче побежала по жилам. И вдруг он почувствовал себя невыносимо одиноким в этом тревожном мраке: с непреодолимой

силой им овладела тоска по дружественному голосу, теплой ласке, по светлой комнате, по людям, которых он любит. Ему казалось, что вся смятенная тьма этой тревожной ночи погрузилась в него и разрывала ему грудь.

Он вскочил со скамейки. Домой, домой, только быть дома, в теплой, светлой комнате, среди людей! В конце концов что с ним сделают? Пусть его бьют, бранят – ничто его больше не пугает, после того как он познал этот мрак и страх одиночества.

Он бежал, не помня себя, не чувствуя под собой ног, и вдруг опять очутился перед виллой, опять рука его взялась за холодное кольцо. Он видел сквозь гущу зелени освещенные теперь окна, угадывал за каждым оконным стеклом знакомую комнату и родных ему людей. Одна эта близость, одна эта первая успокоительная мысль, что сейчас он увидит людей, любящих его, уже была счастьем. И если он еще медлил, то лишь для того, чтобы продлить это радостное предвкушение.

Вдруг за его спиной раздался испуганный, пронзительный крик:

– Эдгар! Да вот же он!

Бабушкина горничная увидела его, бросилась к нему и схватила за руку. Дверь в доме распахнулась, собака с лаем прыгнула на него, в саду замелькали фонари. Он слышал испуганные и счастливые голоса, радостную суматоху криков и топот ног, видел приближающиеся знакомые фигуры. Впереди шла бабушка, протягивая к нему руки, а за ней – не сон ли это? – его мать. Со слезами на глазах, дрожащий, оробевший, стоял он среди этого бурного взрыва нежности, не зная, что делать, что сказать, и сам не понимая, какое чувство владеет им – страх или счастье.

Последний сон детства

Вот как это произошло. Его уже давно разыскивали и ждали. Мать, несмотря на весь свой гнев, встревоженная неистовым волнением мальчика, подняла на ноги весь Земмеринг. Его искали повсюду, и уже росла уверенность, что случилось непоправимое несчастье, когда кто-то сообщил, что видел мальчика около трех часов у станционной кассы. Там узнали, что Эдгар взял билет в Баден, и мать немедленно выехала вслед за ним, предварительно отправив телеграммы в Баден и мужу в Вену, и уже целых два часа шла погоня за беглецом.

Теперь его держали крепко; впрочем, он и не пытался ускользнуть. Со скрытым ликованием его ввели в комнату, но, как ни странно, Эдгара не огорчал поток обрушившихся на него упреков, ведь в устремленных на него глазах светились любовь и радость. К тому же этот притворный гнев был непродолжителен. Бабушка опять со слезами обнимала его, никто больше не заговаривал о его бегстве, его окружили вниманием и заботами. Горничная сняла с него костюм и принесла ему курточку потеплее, бабушка спрашивала, не голоден ли он, не хочет ли чего-нибудь; все наперебой ухаживали за ним, а когда заметили, что это его смущает, оставили в покое. С наслаждением чувствовал он себя снова ребенком: он отверг это чувство и жестоко тосковал по нему, и теперь со стыдом вспоминал о своем дерзком поползновении – променять все привилегии детства на обманчивую радость одиночества.

В соседней комнате зазвонил телефон. Он слышал голос своей матери, слышал отрывочные слова: «Эдгар... вернулся... приезжай... последним поездом», и удивлялся, что она не накинулась на него, а только обняла и как-то странно посмотрела ему в глаза. Чувство раскаяния говорило в нем все сильнее, и охотнее всего он сбежал бы от забот бабушки и тети и подошел к матери попросить у нее прощения; с полным смирением, ей одной он сказал бы, что хочет опять быть ребенком и будет слушаться. Но едва он поднялся, бабушка в страхе спросила:

– Куда ты?

Он остановился, пристыженный. Стоит ему пошевелиться, как они уже пугаются, боятся, что он опять убежит. Откуда им знать, что он горько раскаивается в своем бегстве!

Стол был накрыт, ему принесли наскоро приготовленный ужин. Бабушка сидела рядом с ним и не спускала с него глаз. Она, тетя и горничная как бы заключили его в круг сердечного тепла и тихого уюта, и он испытывал блаженное чувство успокоения. Его смущало только то, что мать не входила в комнату. Если бы она знала, как искренне он смирился, она бы, наверное, пришла!

С улицы послышался стук колес, у ворот остановилась коляска. Все так заволновались, что встревожился и Эдгар. Бабушка вышла, из темного сада донеслись громкие голоса, и вдруг он понял, что приехал отец. Эдгар с испугом заметил, что он опять остался один в комнате; даже минута одиночества страшила его. Отец был строг, только его одного Эдгар действительно боялся. Он прислушался: отец был явно взволнован, он говорил громко и сердито. Ему отвечали успокаивающие голоса бабушки и матери, – по-видимому, они старались смягчить его. Но голос отца оставался суровым и твердым, твердым, как его шаги, которые звучат все ближе и ближе, – они уже в соседней комнате, вот уже у самой двери; сильный толчок – и дверь распаивается настезь.

Отец Эдгара был высокого роста. И невыразимо маленьким показался себе мальчик, когда в комнату торопливо вошел взволнованный, не на шутку рассерженный отец.

– Что это ты вздумал, скверный мальчишка? Как ты посмел так напугать маму?

Голос его звучал гневно, и руки беспокойно двигались. За ним тихо вошла мать Эдгара. Лицо у нее было расстроенное.

Эдгар не отвечал. Ему хотелось сказать что-нибудь в свое оправдание; но как объяснить, что его обманули и побили? Поймет ли отец?

– Что же ты молчишь? Язык проглотил? В чем дело? Говори, не бойся. Отчего ты убежал? Должна же быть какая-нибудь причина! Тебя кто-нибудь обидел?

Эдгар медлил. Нахлынувшие воспоминания снова пробудили в нем гнев, он уже готов был все рассказать. И тут он увидел – сердце у него замерло, – что мать за спиной отца делает ему какие-то таинственные знаки. Он их сразу не понял. Но она посмотрела на него, и он прочел в ее глазах мольбу. Тихо, тихо она подняла руку и прижала палец к губам.

И внезапно мальчика охватило огромное, невероятное чувство счастья. Он понял, что она просит его сохранить тайну и что от слов, которые сорвутся с его детских уст, зависит ее судьба. Все существо его пронизала бурная радость, он себя не помнил от гордости: его мать доверилась ему. Он принесет себя в жертву, он еще преувеличит свою

вину, – тогда она увидит, что на него можно положиться, как на взрослого. Он собрался с силами:

– Нет, нет... не было никакой причины. Мама была очень добрая, а я не слушался, я плохо себя вел... и вот... вот я убежал, я боялся.

Отец изумленно посмотрел на него. Менее всего он ожидал такого признания. Гнев его немного остыл.

– Это хорошо, что ты сам сожалеешь... Не будем сейчас говорить об этом. Я вижу, ты сам понял... Смотри, чтобы этого больше не было.

Он помолчал, глядя на сына. Голос его смягчился.

– Какой ты бледный! Но мне кажется, ты еще вырос. Надеюсь, ты больше не будешь делать такие глупости. Ты ведь уже не маленький, пора бы стать умней.

Эдгар, не отрываясь, смотрел на свою мать. Что-то блеснуло в ее глазах. Или это просто отблеск лампы? Нет, в самом деле что-то блестит, влажное и светлое, а на губах играет благодарная улыбка. Потом его послали спать, но это его не огорчило, он даже рад был остаться один: ему есть о чем подумать, – столько новых и пестрых впечатлений! Все горе последних дней забылось, он весь был во власти своего первого в жизни переживания, и сердце сладко замирало от предчувствия грядущих событий. За окном во мраке ночи шумели деревья, но он уже не испытывал страха. Все тревоги его исчезли, с тех пор как он узнал, как богата жизнь. Сегодня он впервые увидел действительность во всей ее наготе, не прикрытую тысячью обольщений детства, ощутил ее неизъяснимую, влекущую красоту. Он никогда не думал, что за один день можно испытать так много и горя и счастья, столько разных, быстро сменяющихся чувств, и его радовала мысль, что предстоит еще много таких дней, что впереди целая жизнь, которая откроет ему все свои сокровища. Сегодня он впервые смутно предугадал многообразие жизни, впервые, казалось ему, он понял человеческую природу, понял, что люди нуждаются друг в друге – даже когда мнят себя врагами, – и что сладостно быть любимым ими. Он ни о чем и ни о ком не мог думать с ненавистью, ни в чем не раскаивался, и даже для барона, для этого соблазнителя, злейшего своего врага, он нашел в душе новое чувство признательности: это он распахнул перед ним двери в мир первых переживаний.

Было радостно лежать в темноте и предаваться таким думам, уже сливающимся со сновидениями. Еще минута – и он бы заснул. Но вдруг ему почудилось, что отворилась дверь и кто-то тихо вошел. Сначала он не поверил себе и не поднял отяжелевших от дремоты век. Но вот чье-то теплое дыхание коснулось его лица, и он понял, что это его мать. Она целовала его и ласково гладила по голове. Он чувствовал ее поцелуи и ее слезы, отвечая на ласки, он принимал их как знак примирения и благодарности за его молчание. Только позже, много лет спустя, он понял, что эти немые слезы были обетом стареющей женщины принадлежать только ему, своему ребенку, понял, что это был отказ от себялюбивых желаний, прощанье с надеждой на пылкую страсть. Он не знал, что она ему благодарна и за то, что он спас ее от опасного приключения, и что, обнимая его, она завещала ему на всю его будущую жизнь горькое и сладостное бремя любви. Всего этого мальчик не понял тогда, но он чувствовал, что нет большего блаженства, чем быть любимым, и что любовью матери он уже приобщился к великой тайне мира.

Когда она уже отняла руку и, еще раз поцеловав его, тихо вышла, на губах у него осталось ощущение ее теплого дыхания. И сердце его сладко заняло от желания еще

много раз прижиматься к мягким губам и чувствовать ласку нежной руки, но это веще предвидение жгучей тайны было уже затуманено сном. Еще раз промелькнули перед ним пестрые картины последних часов, еще раз заманчиво раскрылась перед ним книга его юности. Потом мальчик заснул. Так начался для него более глубокий сон – сон его жизни.